

Літературна Кіровоградщина

*Літературний альманах
Кіровоградської обласної організації
Конгресу літераторів України*

Українською та російською мовами

Кіровоград
«Імекс-ЛТД»
2012

ББК 84(4УКР)6я44
УДК 82

Л 64 **Літературна Кіровоградщина.** Альманах Кіровоградської обласної організації Конгресу літераторів України/Упоряд. Юрченко А.П. — Кіровоград: «Імекс-ЛТД». — 2012. — 146 с.

Альманах видано за підтримки Кіровоградського обласного благодійного фонду «Розвиток Кіровоградщини» в рамках регіональної ініціативи голови обласної державної адміністрації С. М. Ларіна «Література рідного краю».

Альманах містить вірші й прозу авторів Кіровоградщини, що пишуть українською та російською мовами й об'єднані в обласній організації Конгресу літераторів України. Їх різножанрова творчість віддзеркалює думки й почуття сучасної людини, любов до України та рідного краю.

Розділ сатири та гумору включає оповідання й вірші, яким властиві всі відтінки цього жанру — від м'яко іронічних до гостро викривальних.

В «Антології одного вірша» представлені автори з інших регіонів — у тому числі й ті, хто входить в інші письменницькі спілки.

Це четвертий альманах Кіровоградської обласної організації Всеукраїнської творчої спілки «Конгрес літераторів України» (КОО ВТС КЛУ). Попередні альманахи були видані в 2009, 2010 і 2011 роках.

Для широкого кола читачів.

ISBN **978-966-189-109-7**

- © «Імекс-ЛТД», 2012.
- © Кіровоградська обласна організація Всеукраїнської творчої спілки «Конгрес літераторів України», 2012.
- © Ю. Авруцький, Н. Біденко, У. Горяна, І. Дубровська, М. Льїн, А. Ковалішина, О. Корж, В. Корнісць, А. Кримський, А. Курганський, Р. Любарський, В. Наговицін, О. Надутенко, Л. Некрасовська, Л. Ніколаєвська, П. Пархоменко, С. Півоваров, В. Сіднін, В. Спектор, Д. Танський, С. Тимко, Ю. Чернецький, А. Чечель, Л. Шарга, С. Шпудейко, А. Шульга, А. Юрченко, 2012

ЛІТЕРАТУРНИЙ АЛЬМАНАХ

*Українська
поетія*

Анатолій КРИМСЬКИЙ

Не називайте мовою жаргон

Хай знов поманить Бригантина

(Леоніду Тендюку на перше 80-ліття)

У снах і досі невідомо,
Навколо море чи земля.
Ще тужать кораблі за домом,
Ще тужить дім по кораблях...

Маршрути, мічені пунктиром,
Вже служать іншим, а не Вам.
Причал. «Коралова» квартира.
Стіл. Крісло. Шафа. І диван.

Та віриться — ще день настане,
Розірве тишину німу,
І знову свисне трамонтана,
І хвиля вдарить об корму,

І з берега махне хустина
У непідробленій журбі,
І знов поманить Бригантина
В безмежні далі голубі.

Не називайте мовою жаргон,
Блатні слівця, що пахнуть «руським» матом,
Нехай старенька не здригнеться мати,
І дівчину, що почина кохати,
Не спалить сором, як пекучий сон.

О, не калічте мову, земляки,
Оту, що за лісами і морями
Народжена сліпими Кобзарями,
Видющими через усі віки.

Не називайте піснею виття,
Бодай і наймодніше на планеті,
Минеться мода й зазвучать сонети
І знову й знов через усі життя.

Не називайте музикою рок,
Суцільний гуркіт і гарчання дике,
І голих на помаджених «зірок»
Не зараховуйте відразу у великі, —
«Зірки» потухнуть. Їх зметуть з естрад.
Платівки модні викинуть на смітник.
І тільки найєдиніша на світі
Цвістиме мова, як травневий сад.

Любіть її! Шануйте з року в рік
І називайте дівчину чарівно
«Троянда гір» чи «Польова царівна»,
Чи «Лілія глибоких синіх рік».

Хай «горлицею» матір наречуть,
Дарма — хтось оговориться — банально!
Та всі віки над людством тріумфально
Витає Мати, вказуючи путь.

...Я гордо мовлю українське слово
Між братських недокучливих розмов, —
Одна із всіх святинь — то рідна мова:
Як віра. Як надія. Як любов.

«Авангардистам»

— Це ж хто познущався жорстоко? —
Художник у долі спитав. —
Не бачить фасеточне око
Відтінків магнолій і трав.

А розум підказував гордо:
— Усе геніальне — просте.
Пиши і малюй, що завгодно,
Хай думають — геній росте!

Держава на «зеро»

(уривок)

...На останній рубіж забреду
І впаду
В переселення душ;
Знов воскресну в саду
І тебе віднайду
Молоду.

Як завіє зима
На товстому льоду
На біду,
Скажуть — сили нема,
Та дарма —
Я знайду!

Переїду часоплин,
Назбираю жарин
Із багать,
Щоб летіти чимдуж
В переселення душ,
Не згасать...

Алла КОВАЛІШИНА

*О, як же треба це життя
любити...*

Не шукай краси очима —
А відчуй оту красу,
Що для погляду незрима,
Та збери її росу:
Приклади до ран душевних —
І вона загоїть біль.
Не шукай принад дешевих:
Не в принадах — щастя сіль.

Вечір

У кучерях верби заплутавсь вечір
І зорі срібно спогадом бринять.
А думка на півкросі вже до втечі...
Птахи з сумлінням чистим в гніздах сплять.
Їм сниться сонце і безкрає поле,
Високий лет пташаток-дітлахів.
Настане час: вони злетять над гори
І полетять до сонячних країв,
Та понесуть журбу на крилах сильних
І рознесуть по світу тугу-спів.
...Високе небо в зорях синьо-синіх
Оберігає сонцяєйність слів.

Дівчинка, яка малює на чорнім

На чорне тло яскраво-теплі фарби
Кладе з любов'ю дівчинка незряча.
Покинута в куточку лялька Барбі —
Єдиний свідок, як дівчатко плаче,
И на болю чорнім тлі малює жито,
І сонце, як бурштин, і ніжні квіти.
...О, як же треба це життя любити,
Щоб у п'їтьмі розгледїть фарби світу!..

Чому?

Чому в житті буває так:
Ти сам на сам зоставсь із горем?
Ховає погляд свій жебрак,
Щоб з іншим не ділитись болем.
У жмені — купка п'ятаків,
У серці — повінь сліз і муки,
Бо бракне бідоласі слів,
Коли йому обпалить руки
Дзвінка дрібниця, від щедрот
Чийхось кинута гидливо...
І як же сталось, що народ
Світ поділив несправедливо
На ситих і на жебраків
(На бідних тобто і багатих)?
Пересиха криниця слів,
Коли чи батько чийсь, чи мати
Рахує купку п'ятаків...

Сум-рушник

Нитками золотими вишиває
Мені холодна осінь сум-рушник.
Надія пустку в серці колисає,
Не вірячи, що ти із серця зник.

Піду в обійми вітру дощового
І стану з ним на вишитий рушник.
Спитає вітер: «Що у тім такого,
Якщо назавжди хтось із серця зник?»

Із вітром обвінчаємось у полі,
І буде вітер пити мої уста.
Не зважуся просити я у долі
З далекого минулого листа...

Не тому...

Не тому сумує флейта уночі,
Що від літа загубилися ключі,
Бо із літом розстаємось на рік,
Ми ж з тобою розлучилися навек.

Не тому печалі повінь ув очах,
Що за хмарами зник білий лебідь-птах,
Бо повернеться знов лебідь навесні,
Ти ж до мене не повернешся вже, ні.

Не тому сховались зоряні вогні,
Щоб мене ти не тривожив уві сні,
Бо не вірю вже давно я, що у снах
Ходить щастя по зруйнованих мостах.

Я не вірю більше в казку, ти прости.
Відпусти мене, будь ласка, відпусти!
Нам ніколи вже не бути разом знов:
Не вертається із вирію любов...

Журавлику, пробач

Мелодію сумну заграє скрипаль...
Пробач мені, журавлику, цей жаль
За тим, що наступила осінь рання
І небо сколихнув твій крик-прощання.
За те, що в серці твій лунає плач —
Пробач мені, журавлику, пробач.

Пробач, що із тобою не лечу,
Тобі услід лиш зболено мовчу.
Пробач мені, журавлику мій милий,
За те, що не зміцніли в мене крила.
За те, що в серці твій лунає плач —
Пробач мені, журавлику, пробач.

Пробач за те, що серденько щемить.
Нехай тобі, журавлику, щастить!
Пробач, що у твої нелегкі далі
Додам іще свої гіркі печалі,
За те, що в серці твій лунає плач —
Пробач мені, журавлику, пробач.

Життя — крива

Коли підносить доля подарунки,
Рахат-лукум, настояний на трунку
Торішніх сліз, страждань напівзабутих,
Вчимося сприймати все, як має бути:
Життя — крива (то злеті, то падіння),
І шлях до щастя — це душі прозріння.

Сонце котить дня колиску
І закочує за гори.
Вечір в'яже казок низку,
Вже з'явилися перші зорі.

А із степу линуть співи
Цвіркунів несамовитих.
Берег правий, берег лівий —
Сяйвом місячним сповиті.

Випадуть медвяні роси
На луги, в траву шовкову...
Прийде ранок стоголосий.
Все почнеться потім... знову...

Українська поезія

Наталія БІДНЕНКО

Ми майже порує...

Марную дні, чекаючи хвилини,
Коли з тобою будем віч-на-віч,
Та навесні, як відцвіла калина,
Чужим коханням обпалило ніч.

Вона пройшла, та наша ніч остання,
Вселила в душу вітер-суховій...
І прозріва моє сліпе кохання,
Сльозою тихо котиться з-під вій.

Крадеться осінь теплим сонним містом,
Малює в небі візерунки снів,
І спить калина в пишному намисті,
І спить любов в полоні марних слів...

Третій день без дзвінка від Поета...
Третій день об байдужість я б'юсь...
Де ж ти, мій рятувальний жилете? —
Я у буднях втопитись боюсь!

Упасти ниць, скоритись і пропасти
В знеможі слів, у відчаї сердець,
Коли світанок, наче вічний пастир,
Вдягав на землю сонячний вінець.

І так любить, любить тебе востаннє,
Щоб рвати струни: душ або гітар...
Затяте, прокляте чи наслане кохання —
Який гіркий твій крадений нектар!

Забути все, відкинути, зотліти,
В нестямі, в світанковому вогні,
Та тільки свідки — калинові віти —
Схилились сумно у твоїм вікні,

Бо день прийшов, прозорий і відкритий,
Де ми чужі — без сліз, без каяття...
Є тільки слід від уст несамовитих
На згадку... Та немає вороття.

Не приходь до мене уві сні,
Не малюй блакиттю наші ранки,
Залишайся в давній тій весні —
Не тривож минулого серпанки.
Не приходь до мене уві сні.

Павутиння не плети мені —
Є ще сили розірвати пута,
І колись щасливі наші дні,
Як любов, не можна повернути.
Павутиння не плети мені.

Не буди забуті почуття,
Не приковуй поглядом до себе,
Бо вже в осінь котиться життя
І дощами гірко плаче небо.
Не буди забуті почуття.

Ніч осіння хай розсудить нас
І вуста остудить холодами —
Відлетів у вирій вже наш час
І лягла розлука поміж нами.
Ніч осіння хай розсудить нас...

Знак вірності поставила нам доля,
Не вивчивши обставини як слід,
Що не сягне моя сумна неволя
У твій захмарний сонячний політ.

Знак єдності нам доля дарувала,
Думок одних, і слів, і сподівань.
Та знак — лиш знак: цього було замало,
Бо є межа терпіння і чекань.

Знак на любов малює доля знову
У впертій спразі нас докупи злить...
Та вбито знак твоїм прощальним словом,
А мертве серце зовсім не болить.

У страху розминутися з тобою,
Біжу щосили через двадцять літ,
Щоб пам'яті розбурханою кров'ю
Зігріти серце, розтопити лід.

Стрічками вулиць зв'язувало ноги,
Сміялись вікна, річка під мостом...
Я ж, мов на плаху, йшла без застороги,
Шукаючи минулого фантом.

Та час і простір — вперті, незборимі,
Тумани сиві осінь вже снує...
Чуже кохання йде, щасливе, мимо,
А я кричу: «Моє воно, моє!»

Сумувало літо

Сумувало літо за бузковим цвітом,
Витирало сльози хустками хмарок,
Та втішали літо яблука налиті:
«Ще не вчило листя осені танок!»
Не печалься, літо, за бузковим цвітом —
Пошукай відради в кришталях роси,
Не спіши з дощами та ще й з холодами,
А мерщій у гості сонце запроси!
В синьооке небо закохайся знову,
Вітерцем ласкавим луками пройдиш
І вишнево-стиглу надягни обнову
Та й лети, щасливе, у захмарну вись!
Та сумує літо, молоде і вмите,
Все пита поради в ранньої зорі,
Бо підступна осінь прошептала тихо:
«Поступися, літо, я вже на порі!»
Сумувало літо за бузковим цвітом...

Обрив надії — як розрив аорти:
Без болю, тихо витіка життя...
У відчаї заклавши душу чорту,
Несу за гріх останнє каяття.

Прощай, мій світе, так нестерпно юний,
І ти, любове, що прийшла дощем
На землю спраглу і застигла сумом —
Бо мудрість літ не стишить серця щем.

Забудь мене, мій незбагненний світе —
Ми майже поруч, та життя скло...
Нехай мої напівзасохлі віти
Згорять, та віддадуть тобі тепло.

Не піднімай на мене очі —
Не закидай на мене сіть.
Скажу тобі слова пророчі,
Руки торкнусь несамохіть —
Не піднімай на мене очі.

Не зваблюй ніжними вустами —
Ще пам'ятаю їх тепло...
Було кохання поміж нами,
Було кохання... та сплигло —
Не зваблюй ніжними вустами.

Такі жаркі серпневі ночі,
Природа спрагло жде дощу...
Не піднімай на мене очі —
Я в них загляну — і прошу...
Такі жаркі серпневі ночі.

Зводиться на ноги світлий ранок,
Причиняє щільно двері в ніч...
Спогадом вечірніх забаганок
Ніч минула, та не в тому річ...

Хай нестримні наші поцілунки
Повтікали з ночі врізнобіч,
І колись п'янкi любовні трунки
Іншим пити, та не в тому річ...

Непідкупність денного світила,
Безнадія котиться навстріч...
Розлюбить тебе уже несила —
І любити... Та не в тому річ...

Радість, а чи біль, а чи спокуту
Нам дає життя, та в тому річ,
Що кохання вічністю прикуте
До сердець, що обвінчала ніч...

Жакфрансва поезія

Олена НАДУТЕНКО

Ми тут жили...

На порозі безодні

Дивись: за рішенням Господнім
З планет, захованих в безодні,
В земний ковчег ввійшли здавна
Народи, птаство, звірина.

Дарма шукали раю люди!
Рай у ковчезі був повсюди!
Та ми його не цінували,
Трошили Рай і гвалтували.

Ми, самовпевнені й пихаті,
Непримиренні і закяті,
Ми заливали кров'ю Рай
Й просили Бога: «Не карай!

За спробу каяття неведалу...»
Христа віддали на поталу
І знову з головою — в гріх,
Знов до безодні на поріг!

Трипілля

Це на світанку людства почалось:
Степ розпорола перша борозна,
Тут сходила плеяда молода
Й тризубий герб на глині вивів хтось.

Тут працьовитий, щирий жив народ,
Земля давала щедрі врожаї
І майстровиті пращури мої
Залишили у вишиванках древній код.

Трипілля — наші споконвік поля
І мова, як відлуння тих віків,
Тут український множиться посів
І нашим людом повниться земля.

Наш родовід прийшов із давнини,
Наповнив кров племен славетних ряд:
Пелазг-лелека, царський скіф, сармат,
Землі Трипільської нескорені сини.

Історію хтось хоче підмінить
І каже: українці — байстрюки!
Наклепники! Ми тут жили віки,
Живем тепер і вічно будем жить!

Анатолій ЧЕЧЕЛЬ

Останній з родини Наливайків

Уривок з поеми (зі скороченнями)

Пригоди Миколи Наливайка (сина Тараса Наливайка і небіжа Сивирина Наливайка) розгорталися на тлі важливих для українського народу історичних подій. Від повстання 1637 року. Тоді запорозькому козацтву довелося вести боротьбу проти утисків польської шляхти й проти грабіжницьких нападів турецько-татарських загонів. Полковник Микола Наливайко загинув в бою за волю України. Усі власні імена, які використовує автор, є справжніми. Уривок починається з того, що Микола Наливайко перебуває в полоні. Він ще не знає, що в цей час у рідній Україні його батько прийняв мученицьку смерть, а мати від туги пішла з життя слідом...

ХІ

Тягнулись дні, минали дати,
Велась будова вітряка.
Велів Миколі наглядати
Господар. Справа не легка.

Був якось гостем в світлім храмі,
 В оселі пані ес-Салямі¹...
 Майстерно різьблені колони
 Світились в дзеркалі води.
 В рожево-мармурових тронах
 Виднілись золота сліди.

...

Незнана краса та барвіста,
 Її солодка пишнота
 Чуттям зворушливим і чистим
 П'янили душу юнака.

Та раптом дотик — ніби злива.
 Слуга привів до пані й зник.
 Ще молода й така вродлива,
 І погляд... Враз його обпік...

Ті очі чисті, променисті,
 Немов журба застигла в них,
 Чи то тужливі, чи іскристі,
 Він ще розгледіти не встиг,

Як мелодійний голос тихо
 Його душевно привітав,
 Немов би в прірву впало лихо,
 Чи скресло в сполохах заграв.

Хоч він чужинець і невільник,
 Так — не вітав його ніхто.
 На цій землі — єдиний спільник
 Заслону зняв з лиця свого.

Німою тугою лоскоче
 Ніким не видима гроза.
 Шляхетно-звабливим обличчям
 Котилась відблиском сльоза.

¹ Пані ес-Салямі — родичка рабовласника ель-Бакані.

Нарешті пані ес-Салямі,
Опанувавши ледь себе,
Приймала бранця гостем званим,
Звеліла звідати суфле.

Зустріла, мов близького друга,
Зворушена полоном дій,
В глибоких пошуках надій...

Тепер Микола не прислуга...
Минали дні, і ель-Бакані,
Його обравши з юнаків,
Йому за жінку повелів
Узяти пані ес-Салямі...

З-під брів той глянув ненависно:
«Не можу зрадити батьків...»
Господар лиш очима блиснув —
І враз Микола зрозумів:

В його очах — незламна воля.
Зловісна, бусурманська, ємна:
«Сьогодні посміхнулась доля,
А завтра ти — каліка, євнух!»

Тікати?! Як?.. І сам не схочеш,
щоб не накликати біди:
Бо втікачам виймають очі,
І в пекло рабства — назавжди...

...
Шестиметровий мур. До болю
Тривога стигне у очах:
ПОБУСУРМАНЕННЯ... НЕВОЛЯ...
Й УТЕЧА — це єдиний шлях!..

Крислате дерево — спасіння,
Єдиний ризиковий план.
Міцні гілки й линви сплетіння...

За мить за мур Микола впав...

...

В глибинах рову вишкірялись
Зубаті палі в чорну ніч,
Та втікачі вже віддалялись —
Лише у слід кричав їм сич.

Не йшли — летіли до затоки!..
Гривастих хвиль пливли горби...
Байдак у всі кидало боки —
Єдиний засіб для плавби...

А в далині — відкрите море...
Безлюдний острів... Кораблі...
Пірати... Людоїди... Горе...
І врешті-решт стеги і гори.
І берег рідної землі.

XII

Вдивлялися тихцем в левади
Біленькі чепурні хатки.
Цілющим променем принади
Сріблились плесами ставки.

В м'яких тонах, в легкій зажурі
Завзято пахли полини.
Залюблені в стеги мажорні
Зрадливим леготом весни.

Думки плелися безпорадно,
Теплилась українська ніч...
Вогонь надії, щемну радість
В своїй душі Микола ніс.

Та враз — надії заніміли,
Від несподіваних утрат,
Мов громовиця в серці смілім,
В смертельній тузі канонад.

Біля могили в час вечірній
Бриніли матері слова:
«І ти йдеш, сину мій останній...»
Схилилась в тузі голова...

Ніхто Миколу не зупинить,
Згадав він батька заповіт:
«В боях за незалежність згинуть,
Ніж підвести славетний рід!»
...

Ішли на смерть за Україну
Богдан Хмельницький і Богун,
Семигородський з Чигирину
І Наливайківський загін.
...

Супроти ворога повстали,
За волю рвались, як один.
Чужинців-ляхів сміло гнали
За межі рідних полонин...

.....

...Знайшли Миколу під вербою,
Лежав полковник горілиць.
Шаблюку він стискав рукою,
Від смерті не закрив зіниць.

Зоря вечірня дотлівала
В перлинах срібної роси,
А на обличчі застигала
Печать суворої краси...

Стояли тихо, журно, довго...
Осиротілі козаки...
Гнітюча мить — немов корогви
Над плесом Сосниці-ріки.

18. 03.2011 р.

Анатолій КУРГАНСЬКИЙ

Всі спомини доба вдихнула в себе...

Доля

Біду не передбачує душа,
Думки пливуть, і радість часто сниться.
Але тривога вже не полиша,
Щоб крадькома під серцем поселиться.

Приходять і відходять тихо дні,
Немов брати, один із іншим схожі.
Сум огорта твої діла земні,
І все єство в напрузі, насторожі.

Ось скоро грім до тебе заgrimить,
Або зімне й на землю звалить вітер.
А як спіймати цю щасливу мить,
Яка впаде веселкою між літер?

І ти з бідою борешся один,
Все переніс — приниження і муки.
Можливо, дочекаєшся годин,
Коли наснагу знов спіймаєш в руки.

Після війни

В роботу, в роботу до самого поту,
Накази громами, накази щодня.
Якщо холоди чи жара — на роботу!
І перший день другий завжди догоня.

Збиралися з духом, до діла спішили,
Не роздавали тоді похвали.
Тільки нам голодом душі прошили,
Йшли на роботу, як коні й воли.
Хто їв, хто не їв, є обід чи немає,
Відомо це Богу лише одному.
Батіг із Кремля день у день промовляє:
«Не йдеш на роботу — вітай Колимун».

Звична доля, це село
Із роками бігу.
По коліна намело
Моїй долі снігу.
Всі тини із кучугур
Я долав до тебе.
Розпашілий, мов снігур,
Що злетів із неба.
Передбачував біду
(В тебе я в полоні),
Розхвильований іду
В ліс до оболоні.
Бачить буде він один —
Ріг, з кришталю наче,
Світлий місяць молодий
Разом нас побачить.

На грудях неба сонце грілось,
Немов медаль у ветерана.
Мені ніколи не хотілось,
Щоб появилась в сонця рана.

Від Хіросіми, Нагасакі,
Чорнобиля і Фукусіми
Були щоб радісними ранки,
Щоб в щасті проживали всі ми.

Малюнок на дні

У глиняній білій мисці
Гроно лежить винограду.
Хоч в жовтім сховалось листі,
Очам виклика принаду.
Художник на дні твердому,
Де мало було простору,
Малюнок зробив для дому:
Тут поле і небо, й море.

Всі спомини доба вдихнула в себе,
Дитинство, наче птиця, пролетіло.
І колисає зорі синє небо
Й мене в моїм дворі — прибуле тіло.
І звуки струн натягнутих природи,
І соловей на кожній з них співає,
А сум пливе в сади і на городи,
Із хвилюванням серце розбиває.
Все протекло струмком перед очима,
Які ж були ми працьовиті діти.
Тепер в села куток мій за плечима —
Його нема, й нема чому радіти.

Душа, вируюча ріка,
В тобі незримо протіка.
Подумай сам, вона яка?
Солодка, прісна чи гірка?

Спомини

Біда з душі нікуди не тікає
Й надовго залишається в душі.
То помовчить, то знову оживає
І шкрябає, як землю лемеші.

Була війна — нема твоєї пари,
А ти щодня працюєш у степу.
Мовчи, вдова. Сапай скоріш гектари,
Поплач тихенько — й знову за сапу.

Я знов притулився до рідного краю,
Невидима скрипка тихесенько грає.
Того скрипаля я шукаю в леваді
Очима, які його бачити раді.
Веселі пісні огортають і думи.
То в радість ведуть, то вертають до суму,
Де ноти низькі, наче спів контрабаса,
І згадую думи Шевченка Тараса.
Пливуть голоси Солов'яненка, Гмирі,
Яких не відчую в бетонній квартирі.
Я знов на кутку біля білої хати —
Пісні колискові співала тут мати.
Мелодій багато дарує природа,
Для нас, для приїжджих, е як нагорода,
Щоб знову себе слухачами відчули,
З дитячого віку пісні не забули.

Водоноси

Ця жага на шляху запізнілім
Повела, як водила до поля.
На лиці, боротьбою змужнілім,
Ніжно гріється вся моя доля.

Думав, що не знайду я ніколи
 Наше щастя, були ж ми багаті.
 Вже стерня нам підшви не коле,
 А в душі пам'ять, мов на розп'ятті.

Тож разносять плітки різні люди:
 — Поросла мов травною дорога!
 Чи майбутнє вдоволене буде?
 Може шлях цей — дарунок від Бога.

Поезія

Мабуть, крила сильніш не розкрилю,
 Мабуть, вище вже не полечу,
 А наснаги стривожену хвилю
 Не розвію і не затопчу.

Голос серця й душі чую голос,
 Веселіша єство все моє.
 Мов зернинами повниться колос,
 Дозрівання вже час настає.

Пори року мене не смішили,
 Не лякала морозом зима.
 Бачить думка далекі вершини,
 Бачить світло, де світла нема.

Може в чомусь рідня ми з тобою,
 Я, як інші, до тебе палкий.
 Вони разом, а я сам-собою,
 Це тому, що для них не такий.

Наснився сон, неначе постарів я,
 І довга, біла-біла борода.
 Чомусь зима, і біле все подвір'я,
 Замерзла в шапку старім вода.

А птиці, що води попить хотіли,
Себе побачать в дзеркалі й летять,
Немов роки мої, що відлетіли
І повернути юність не хочуть.

Крізь аритмію дум збираю
Стежки, що йдуть до небокраю.
І зачарований вмираю:
— Чи я побачу їх із раю?

Дмитро ТАНСЬКИЙ

Що все ж таки покаюсь...

Кувала зозуля

Зозуля у лузі дні щастя кувала,
Та виняньчить власних дітей забувала.
Лігала, гуляла... В сусідні гніздечка
Безжурно свої підкладала яєчка.
Хто муж? Їй байдуже — орел чи шуліка,
Якби розважатись із паном довіку.
Шептала до птиці, що прагла у ньєнки,
Як діточок варто любити маленьких...
Як літо настане, вона не співає,
У вирій без спізнєнь завжди відлітає.
Летить в край заморський. А де ж її діти?
Пищать в чужій зграї голодні й невмиті.
Вже холод стискає пташок, як в обцєньках —
Як гірко і тяжко цим дітям без ньєнки!

Подолаю втрати

Поселився з ангелом в саду.
Пізно змінив місце. Твердо знаю:
Вже нікуди більше не піду,
Тож чужі поради не сприймаю.
Нарікання — чую. Та візьму —
Час ще є — то все ж таки покаюсь.
Ворожили смерть... Або тюрму...
До каліцтва ближче... Я звикаю...

Дух ламався. Трохи відновив.
До серйозних слів відчув я спрагу.
І горілку пити припинив.
Навіть не давав в душі присягу.
Не бажаю зайве псувать зір,
В телевизор часто не пантую.
Вибачте за те, що я не Лір —
Бо до доньок в гості не мандрую.
Руку рідко тиснуть, бо тепло
Залишилось тим, хто жити вміє.
Тож і друзів зменшилось число,
Тих, хто мене добре розуміє.
Я не знаю, скільки жить мені...
Ще вогню палать?.. Чи гаснуть з димом?..
Хочеться здолать нестерпні дні...
Нам би пережить холодну зиму!

Навіщо ж скаржишся мені?

Ось ти поскаржилась мені,
Що чоловік п'є безпробудно...
А я згадав щасливі дні...
А я згадав армійські будні...
У слово вірив я міцне,
Єднали нас кохання, дружба —
Казала: будеш ждять мене,
Коли повернуся зі служби.
Я цілував твої листи,
Я танцював, як лист приходив.
В думках жила зі мною ти
У час відбою і в поході.
Безтямно я тебе любив,
Аж розцвітав, що став коханим.

Та ще, траплялось, морду бив
Тим, хто в жінок шукав погане.

Я віру в тебе не змінив,
Хоч сон поганий мені снився:
Від зради власної жони
Мій друг на варті застрілився...

Нараз я з жартами притих —
Стемніли небо й світ навколо,
Коли прийшов останній лист,
З якого віяв зимній холод.

І я прокляв своє життя,
Хоча й казали, що не драма,
Як носить вже чуже дитя
Любов твоя й виходить заміж!

Не став шукати я вінки —
На цвинтар ще не потрапляю!
Чужі стрічаються жінки,
Та я з такими не гуляю.

Давно свій термін відслужив.
Якої ти питаєш ради?!
Що чоловік хмільний лежить?!
А я забудь не в силах зради...

За рудими стінами

День минув за рудими стінами.
Хата в протяхах. Скоро зима.
Як не бийся до Бога колінами,
Чим протопиш, бо дров нема?
Хто здоровий — з міцними нервами:
Навіть змалку в садочку ріс
І дружив із майбутнім фермером,
Що дасть коні поїхати в ліс.

Добрий намір нешвидко збудеться,
У господаря безліч справ.
Та й не бий себе гучно в груди,
Якщо соняхи з поля крав...
У ставок не закинеш вудку —
Він в оренді! Деталь сумна!..
З клумачком не злітаєш прудко —
Сім кілометрів до млина.
Забур'янилось рідне поле,
Більше кіз стало, ніж корів.
Незабаром закриють школу,
Бо не знайдеш вже школярів.
Депутатів чека столиця,
Київ співом одним дзвентить...
Обікрали у нас крамницю,
Чим тепер її замінить?
Стара хата мокріє з причілка.
Завалився у баби тин.
А раніше помер від горіаки,
Тихо спився каліка-син.
Стіни ферми додолу впали,
Башту зрізали на метал...
Ну, колгоспу тепер не стало.
Зруйнували. А ти ж мовчав!
Бур'яни... Ще уламки цегли.
Розвалюхи. Та бите скло...
Почекаєм: приїде Рейган,
Чи Готліб, піднімать село?!

Уляна ГОРЯНА

Верлібри

Крижана байдужість

я шукаю ту крихту тепла
що не дасть мені тремтіти у самотині
легко замерзнути одиначці
легко вітрові понести одну хмарину
по небозводі блакитної яскравості
лютневого неба
у збайдужілому будні
мрійно бродила

Сьогоднішнє безсоння —
це вчорашнього дня кара,
це така витончена благостиня
із милостивих рук долі.
Рядки... Рядки...
Пунктирами свідомість...
Забуте згадую,
чекаю ранку, мов звільнення.
На сон не згаявся час.
На кріслі кіт спить.
Сіріє.
До світанку
лише два пунктирні
відрізочки порваного часу.

Чекаю.
Попереду похапцем
кинуті миті у пам'яті.

Причинилися тихесенько двері.
Небажані гості — птахи сумні.
Затишок крильми збили,
нудьгу розтріпали.
Довго мешкатимуть зі мною
ці птахи — минулого чорні тіні.

Дарувала спогади собі,
як відряду,
але притомилася.
Притомилася життям,
що тягнуло спроквола
протягом із минулого,
тягнуло у річку забуття.
А там на сірій поверхні,
у сивому тумані
ледь виднівся силует рибалки.
Може б він перевіз мене на той берег?
Дарувала спогади сама собі,
тим часом куняв у човнику старий човняр...

Чорною птахою сяду на твою хвіртку,
на кроснах ночі собі одіж зітчу
із туги за синіми очима барвінку,
із сліз того птаха,
що у вічність уже полетів.

Постукаю я
чорними крильми у твоє вікно,

присмерки мене тінню прикриють,
і тихо, тихо стане
і сон твій вкриється сивим інєєм.

А посеред степу,
одягнений у китайку,
появиться вершник,
і заплачу я тихими слізьми
сумної жінки.

давай заляжемо у світ запашний
у світ днів із білого латаття
у світ ночей із лілового бузку
у світ вечорів із вогнистого маку
у світ ранків із фіолетової матіоли
давай западемо у світ запашний
давай западемо небаченими
духмяними квітами

понесло ще вчора в потойбіччя
по той бік грому — самотньо і глухо
по той бік грози — безлюдно і спокійно
по той бік блискавки — порожньо і тихо
по той бік мого спомину — відголосом впала тиша
і понесло ж мене в потойбіччя

по дорозі в зиму
оглянулась на осінь
а там день блакитний
просто валяється
на золотому листі
мов лінивий кіт
треться об мої ноги

— Повір мені,—
шептав осінній вітер.
— Повір мені,—
гуркотів осінній грім.
— Повір мені,—
палила слова осіння блискавка.
— Повір мені,—
шурхотів крильми птах, відлітаючи у вирій.
— Повір мені...
повір мені...
Попереду холодний грудень...
— Не вір нікому...

Простягнулась вздовж мене річка
і ввійшла в мої руки.
По клаптику землі,
що завис між двома курганами,
між двома берегами Тясмину
я пливу тихою річкою.
На мої руки сідають чайки галасливі,
по моїх руках пливуть лебеді білі,
в моїх долонях погойдується сіра качечка
і довгоногий лелека лоскоче мої пальці.
А ти?
Ти напийся із моїх рук прохолоди
в спекотний серпневий день.

У птахів просила шматочок неба,
у моря просила краплю-сльозу,
у тебе просила крихту любові,
у Бога просила трішки щастя...
Ще довго стоятиму із простягнутою рукою?
Доки буду жебрачити?

ти зникнеш
 коли я тебе розлюблю
 відразу
 ти зникнеш
 у сні зтягнутого хмарами дня

дихаю
 дихаю жовтим листям
 відчуваю спраглий подих літа

понесло нещасливця
 по річці життя
 не знав він як перейти ту річку
 не знайшов броду

Стомлена тиша
 присіла на зелені клавіші сосни
 але не зуміла зіграти на них
 наштрикнулася
 зате зойкнула

Білі карлики¹

Обсипалися з вичахлого неба
 зорі — білі карлики,
 падали на гострі камені стрімкої річки.
 Падали зорі, шипіли,
 розбивалися на срібні блискітки і тонули,
 тонули у соромливо-блискучих хвильках.

¹ Білі карлики — малесенькі за розміром (відносно до звичайних зірок) щільні горючі зірки. Кінцева стадія зіркової еволюції.

На прозорих простирадлах води
зблиснули плавці карасів —
то білі карлики їх розбудили.
Трусили зорі пилок,
свій срібний прах,
а небо перекоилось від болю,
ото плакав жайвір,
кричав і метався,
бо потрапив під косу косаря
і забризкав своєю кров'ю
васильками порослі левади.

Дивись на життя без страху,
струси із тіла погаслої зірки прах,
злякай тишу,
розбивши свій крик болю
об гостре каміння водоспаду,
в якому доживали щільні горючі зірочки,
упавши із вичахлого неба.

ЛІТЕРАТУРНИЙ АЛЬМАНАХ

*Русская
ПОЭЗИЯ*

Елена НАДУТЕНКО

Обречены на тишину

Рубежи

Я б в этой жизни много отдала
За островок покоя и тепла,
За тихий шепот ласковой волны
У берегов неведомой страны.

Предначертал другое мне Астрал:
Кипучесть дел, событий разных шквал,
Коней ретивых бешенный галоп,
И взятый пик, и выдержки окоп.

Когда приду на свой архипелаг,
Я в самом центре водружу свой флаг,
И в тишине, под мерный плеск волны
Приснится мне, что я пришла с войны.

Нет, не напрасно жизнь тогда бежит,
Когда берутся с боем рубежи!..

Заводь

Я к тихой заводи размеренной рекой
На верном плотике безропотно плыву.
В душе моей степенность и покой...
Как хорошо держаться на плаву!

Но знаю я коварный нрав реки,
Её порогов, омутов каприз,

Напор течений, мелей островки
И водопада грозного карниз.

Сквозь шквал стихий пронёс меня мой плот,
Поистрепался парус, изветшал...
Теперь рекой размеренной плывёт,
Под вздохи ветра, шелест камыша.

И волны плавно плотик мой несут
К заветной заводи, где лилии цветут...

Пустой дом

Как пуст мой дом, как глухо в доме эхо,
Углы темны, покрыты зеркала...
Сместились в вечность брэнной жизни вежи,
Что ничего с собой не забрала.

Осталось всё — ковры, хрусталь, посуда,
Ненужных безделушек целый клад.
Пропало главное и не вернуть оттуда —
Кусок души отрезанной, назад.

Звон тишины так больно режет уши!
Мне мамин голос слышится в тиши.
Когда-нибудь сольются наши души,
Но мне пока не хочется спешить.

Давай начнём...

Давай начнём всё с чистого листа,
Забыв о прошлом, помудрев с годами.
Пусть будет память, как слеза, чиста,
Настояна на чувств забытых гамме.

Давай надежд откроем сундучок,
Найдём в нём то, чего нам не хватало:
Сочувствие, и верное плечо,
И слово, что любовью согревало.

Вернём, чем были мы обделены,
Изгоним из души своей печали.
Быть может, мы с тобой обречены
Всё возвратить, что было там, вначале?

Давай начнём! А что теряем мы?
...Как страшно дуновение зимы!

Маски в толпе

Где скрыться мне от быстротечных лет,
Куда уйти от монотонных будней,
Как не пропасть в толпище многолюдной,
Растёршей в прах мой неприметный след?

В толпе из масок — искры умных глаз,
В касанье рук есть тёплые, не скрою,
Но не мечом убиты мы порою —
Отравленными дротиками фраз.

Иммунитет душа приобрела.
Я маски тоже часто надевала —
На сцене жизни, в действе карнавала,
Но я с лица личину сорвала
И будни в праздник обращать я стала.

Стучат часы

Стучат часы. Надсадно так стучат!
Проходит время, и проходят жизни,
И вот уже на поминальной тризне
В молчанье тосты скорбные звучат.

Стучат часы, без устали стучат.
Одни — летят по терням судеб кратких,
Другие — механизм едва влачат,
Не напрягаясь и зевая сладко.

Стучат часы — мерило наших дел,
Свидетель резких взлётов и падений,
И враг, и спутник целых поколений,
Отживших свой кармический удел.

Что спорить с временем, когда наш краток век
И в проигрыше будет человек!

Прохлада осени

Прохладным утром день берёт начало,
Не так палит к обеду солнца луч,
Над горизонтом бродят стаи туч,
Насупленно, тревожно и устало.

Багрянец листьев подождён закатом,
В дымах едучих прячутся луга,
И сена потемневшие стога
Глядят, как стражи зоркие, куда-то.

А в небесах, за лёгкой паутиной
Оставив в гнёздах пух и скорлупу,
К зимовью пролагающий тропу,
Уходит клин прощальный журавлиный.

Обречены на тишину

Когда-то здесь кричали петухи,
Сновали стайки уток и гусят...
Теперь дворы и немые, и глухи,
И обречённо улицы молчат.

Не скрипнут над колодцем журавли,
Не лают псы, коровы не мычат,
Уключины телеги не стучат
Над колеей не тронутой, в пыли.

Упали крыши в склеп забытых хат,
Из бездны окон смотрит тишина,
И дымари остывшие стоят,
Как обелиск под именем — СТРАНА.

Людмила НИКОЛАЕВСКАЯ

Над седым, как лунь, Индулом

Благослови меня, мой Бог,
На все страданья и сомненья,
Дай мне надежду, дай терпенье
Нести терновый свой венок.

Благослови меня, мой Бог,
Дай веру мне и дай мне силы
Не утонуть во зле всесильном,
Не затеряться меж дорог.

Благослови меня, мой Бог,
На святость праведных деяний,
И мерой горьких испытаний
Измерь мой быстротечный срок.

Я так живу. Я так дышу.
Пусть каждый вздох мой как преграда.
Я, словно лучик к витражу,
К тебе щекой прижаться рада.

И нет начала, нет конца
Той песни, что звучит меж нами.
Она, как жертвенное пламя,
Сжигает мысли и сердца.

И возвышает. И влечёт
В объятия призрачного счастья.

Ах, как нам надобно участие,
Когда в душе переучёт...

Что проку прошлое тревожить?
Вот было всё — и нет как нет...
Лишь время непрерывно множит
Таинственный и мрачный свет.

Улыбка, взгляд, мечты, желанья —
Всё это призрачно уже.
Хохочет бездна мироздания
На новом зыбком вираже.

Да, время все узлы развяжет,
Не воротив былого вспять.
Жизнь улыбнётся мне однажды,
Чтоб легче было... забывать...

Я бреду заброшенной аллеей.
В жёлтых кронах солнца луч застыл.
И душа как будто молодеет.
И в душе как будто прежний пыл.

И как будто прежняя усталость.
Вместе с буйным ветром улеглась.
И душе как будто легче стало
От щедрот осеннего тепла.

Жёлтый лист с деревьев опадает,
Разноцветьем душу бередя.
И обиды тают, тают, тают.
На весь свет... И даже на себя...

Неделя быстро промелькнула.
За нею месяцы, года...
Еще вчера был шал июля,
А нынче стужа — холода...

Еще вчера на крыльях неги
Любили мы, надежд полны.
А нынче свет созвездий пегих
Подёрнут холодом Луны.

Но вспыхнет лес, к зиме готовясь,
В душе разбудит давний грех...
Жизнь — неоконченная повесть
Без притязаний на успех.

Застыла роща.
Тишь... Рябины рдеют...
Душа не ропщет.
Клён уже потух.
И на омытых золотом аллеях
Всё превратилось в таинство и слух.
Знакомый шорох.
Листьев упоенье.
Леса и горы
в пляске огневой.
Но властное забытое томленье
Охватит вдруг безудержной волной.
Всё, что тревожит,
с чем в душе нет сладу,
Всё, что так ложно,
в чём тоска и тлен,
Вдруг отзовется сладко и отрадно
Щемящей грустью, грустью перемен...

Городок под солнцем рыжим
В хороводе тополей
Звался «Маленьким Парижем»
Средь стозвонности церквей.

Вот по улице Дворцовой,
По брусчатой мостовой,
На спектакль примчался новый
Экипажей пышных рой.

Веера и аксельбанты,
Кивера и кружева...
Гимназистки и курсанты —
Так, что кругом голова!

Мишура и пантомима,
Только охнуть поспевай!
Вот уже, сверкая, мимо,
Дребезжа, спешит трамвай.

И акация насадно,
Как всегда, всюду цветёт.
Заводской гудок нескладный
На работу люд зовёт.

Словно пламя, время лижет
Лица, семьи, города...
Только «Маленьким Парижем»
Будет город мой всегда.

Вечность в новый век шагнула.
Меж столетних тополей,
Над седым, как лунь, Ингулом —
Город юности моей.

Что осталось? Так, булыжник...
Мысли в камне да река...

Только «Маленьким Парижем»
Он останется в веках...

Беранже, Беранже, Беранже...
С каждой строчкой родней и ближе
Над выдавшим виды Парижем
Острый взгляд, ироничный жест...

Беранже, Беранже, Беранже...
Сколько песен, сколько памфлетов
Разрывали замки запретов,
Словно Франция — в неглиже...

От элегий и пасторалей
До напевов простых пажей,
Как любили и как страдали!
Беранже, Беранже, Беранже...

От парижских цветных бульваров
До знакомых до боли крыш
Под густой перебор гитарный
На заре засыпал Париж.

И ему неизменно снилось
Под соборностью витражей,
Как сменяется гнев на милость
В рифмах песенных Беранже.

Памяти Вознесенского

Эти глаза, так по-детски наивные,
Эта улыбка, восторженный взгляд
Не замутились ни стужей, ни ливнями,
Не помутнели от блеска наград.

Ты всё такой же, такой же, как в юности.
Разве что волосы тронул мороз.

Разве что тише, печальнее струны те,
Что воспевает и нынче «Авось».

Голос поэта на грани пророчества.
То громогласен, то полн тишины.
Рядом с тобою возвыситься хочется,
Но возвышаться, увы, не должны.

Ты — Вознесенский! Мир слова и разума.
Ты предназначен творить и дарить.
Свет будет полниться дивными фразами
И возноситься в иные миры...

За город, в сад, судьбе навстречу,
Где буйствует весенний день.
Туда, где даже воздух лечит,
И где всюду цветёт сирень.

Где властной жаждой вдохновенья
Струится яблоневый цвет.
Туда, где как по мановенью
Рождается в душе сонет.

Весна и вправду как причастье,
В пределах вечности творит.
Собрав в одно осколки счастья,
Она надеждой одарит.

Но в том раю благословенном
Все тленно. Лишь любовь нетленна...

Снова россыпь тюльпанов
Разукрасила луг.
Словно замер в нирване
Солнца радужный круг.

Будто трели Россини
Вдруг сыпнёт невпопад —
И лиловым, и синим
Рассиренился сад,

Чтоб своей красотой
Насладиться сполна...
Что же это такое?
Так весна же, весна!..

Русская поэзия

Валерий КОРНИЕЦ

Простреленное небо

(отрывки из поэмы)

Автор посвящает поэму жене, Татьяне Корниец, которая в течение 1497 дней пребывания в Афганистане была помощником и активным участником всех описываемых событий.

Над пропастью,
по лезвию,
по грани,
Не воин
в необъявленной войне,
Четыре года
прожил я в Афгане —
И тридцать лет
Афган живёт во мне.

...

1.

Не ради тихой заводи,
Не от житейских бурь
Мы край родной оставили,
Поехали в Кабул.
В Алжире бы иль в Йемене
Сидеть, задрав штаны...
Да вот решились — едем мы
Не «к тёще на блины».
Заоблачными высями
Нас самолёт умчит.
Летим мы с доброй миссией:

Не воевать — учить.
 Ворвалось солнце раннее
 В иллюминатор мой —
 И всё, что было ранее,
 Осталось за кормой.
 Моторы лайнер вырубил
 И у вокзала встал.
 Ну, наконец-то, прибыли.
 Привет, Афганистан!

...

10.

Дышало небо осенью,
 Терял листву платан...
 Меня судьба забросила
 В «Парварашго “Ватан”»¹.
 Уж по чьему велению,
 Не знаю, только вот
 Создали «Управление
 Приютов для сирот».
 К чему вопросы праздные,
 Где чей отец и мать?
 Голодные и грязные —
 Всех стали принимать.
 Нашлись и деньги. Главное —
 Для дела, не в карман.
 И база предоставлена.
 Шеф — Махбуба Кармаль.
 А тут ещё решение
 (И не дай Бог прокол):
 В Союз на обучение —
 Четыреста «атфол»².
 В Афгане так вот сразу мы
 Проблему не решим:

¹ «Парварашго “Ватан”» — приют «Родина»

² «атфол» — дети

В приюты Средней Азии
Поедут малыши.
И завертелась мельница.
Срок — две недели. Блиц!
Мне до сих пор не верится,
Что мы успеть смогли.
Чтоб отобрать четыреста
К отправке огольцов,
Свезли четыре тысячи
Детей со всех концов.
Зачем так много? Правильный
Вопрос. И прост ответ:
В стране, войной израненной,
Сирот здоровых нет.
Неправильно иль правильно,
Для счастья или бед
Здоровых мы отправили,
Всех остальных — к себе.
Не нужно быть провидцами:
Край отчий — словно мать.
Мы стали по провинциям
«Ватаны» создавать.

Работали задиристо
И знали: чёрт не съест.
Опять детей четыреста
Готовим на отъезд.

Запрос в Посольство делаю.
Врачи там — высший класс.
Но эта «каста белая»,
Конечно, не для нас.

Попытка бесполезная,
Что думать да рядить?
Не дай вам Бог болезнями
Посольских наградить.

Пусть им штаны с прорехою!
По доброте людской
К нам совврачи приехали
Больницы городской.
В делах полезны знания:
Пусть мелочь для врачей,
Но где же обрезание
У маленьких «бачей»?
Освоив всё и выучив,
Воротятся, а тут
Им, следуя обычаям,
Руки не подадут.
Так что же делать? Господи,
Советом осени!
Помог афганский госпиталь —
Мальчишки спасены.
Мы дружно дело делали,
Но случай был один:
Нашли троих с холерою —
Нас всех на карантин.
Но обошлось без ладана.
Со лбов стираем пот.
В сопровожденьи ХАДа³ нас
Везут в аэропорт.
Проехали пикетами.
Наш ТУ готов на взлёт...
Взорвался вдруг ракетами
Соседний вертолёт.
Как вкопанные стали мы:
Всех «птурсы»⁴ посекут!
Спасло нас опоздание
На несколько секунд.
Посадка и прощание,
И самолёт взял старт...

³ ХАД — Комитет госбезопасности в ДРА

⁴ «птурс» — противотанковый управляемый реактивный снаряд

Не стань седым я ранее,
То белым точно б стал.

...

12.

Пускай война. Пора настала
Лёд отчуждения крошить...
Ребята нашего «Ватана»
В советский госпиталь пришли.
И для бойцов бананы, груши
С собою взяли в рюкзаке,
Стихи читали и «Катюшу»
На русском пели языке.
И вдруг боец в бинтах и шрамах
Сказал мне горькие слова:
— «Бача» такой же под Баграмом
Наш танк гранатой подорвал».
Ответить что? К чему обманы?
Понятны гнев его и боль.
Немало было у душманов
«Бачей», ведомых на убой.
Но, может, сердцу легче станет,
Скорбя о тех, кто полегли,
Что тысячи детей в «Ватанах»
Мы от войны уберегли.
К добру добро тянулось исстарь,
А дружба тем и хороша,
Что скрытой ненависти искру
Не примет детская душа.
Встречай детей, «Сороковая»⁵!
Пришлось им столько пережить,
Что до конца не понимают,
Как можно с «шурави»⁶ дружить.
Стоят машины боевые.

⁵ Сороковая армия — базировалась в Афганистане

⁶ «шурави» — советские

Залезь. Повисни на стволе.
Музей и комнаты жилые.
Обед солдатский на столе.
Прекрасным было угощенье.
Так не кормили мы солдат.
Но трудно осудить стремленье
Ребятам лучшее отдать.
А через месяц мы в «Ватане»
Советских встретили солдат:
Они решили на поляне
«Мир сказок» для детей создать,
И мы смотрели, удивляясь,
Как из поленьев и корней
Герои сказок появлялись:
Вот дуб, и цепь, и кот на ней.
Трудились хлопцы что есть мочи,
Спешили к «дембелю» успеть...
Потом узнал: в атаке ночью
Взорвались трое на тропе.

...

14.

В летний зной и по зимнему холоду
ПАЗик вёз на работу девчат
Километров за двадцать от города —
Там была вертолётчиков часть.
Не курортницы и не дачницы,
Не для отдыха — для труда
Поварихи, технички, раздатчицы
Каждый день отправлялись туда.
Все они были вольнонаёмные.
Их вели не устав, не Закон —
Материнская боль неуёмная
И тревога за «наших сынков».
Только Вы, наши жёны и матери,
Добрый словом могли приглушить

Выкрик грубый, поток брани матерной,
Что рвались из рыдавшей души.
А кормили пилотов не в здании —
Возле МИГов палатки постав.
Сколько их не вернулось с задания?
Кто сюда и зачем их послал?
Оправдания в старческом лепете
Слышу тех, кто, не хмуря бровей,
Отправлял на погибель бестрепетно
Не своих, а чужих сыновей.

...

16.

В БТРе их было двенадцать.
Молодые, ещё не убитые
Представители разных наций,
Общим делом и дружбой слитые.
Как обычно, вилась дорога,
Вёл машину водитель лихо,
И до базы совсем немного,
Но вокруг необычно тихо.
Землю с небом вдруг вздыбило парюю,
Загорелся закат и погас —
Это их БТР распарывал
На дороге зарытый фугас...
И у каждого имя было,
И весь мир был для счастья соткан —
А теперь на Родину Илы
Повезут двенадцать «двухсотых»⁷.
Над запаянными гробами
Зарыдают нестарые матери,
Самогон пополам со слезами
Разольют по стаканам и скатерти.
Обелиск высотой с метр
Или крест. Скромный холм песчаный,

⁷ «двухсотые» — убитые

Фото, даты рожденья и смерти.
 И ни слова: убит в Афгане.
 Смерть повестки в дома носила —
 Власть спешила забыть об этом:
 Двадцать тысяч война скосила
 Инженеров, певцов, поэтов.
 Им не встать, не расправить плечи,
 Не вдохнуть полной грудью воздух...
 Время раны в душе не лечит:
 Плачет небо, роняя звёзды.

...

18.

Афган, Афган... Моя любовь и боль...
 В чём пред тобой, скажи, мы виноваты?
 Ежеминутно жертвуя собой,
 Мы верили, что помогаем брату.
 Всё было: на войне как на войне,
 И мы об этом забывать не будем.
 Но навсегда останутся во мне
 Афгана дети и простые люди.
 Я видел благодарные глаза,
 Когда дают от сердца, не за плату...
 И в морду дам любому, кто сказал,
 Что мы пришли сюда как оккупанты!
 Прощай, Афган! Прости за прямоту.
 Ещё чуть-чуть — и мы, ребята, дома!
 Переходил последним по мосту
 Наш командарм, бойцов любимец, — Громов...

И что б ни твердили
 державы «Отцы»,
 От правды им не увернуться:
 Афган в наших душах
 оставил рубцы,
 Которые не рассосутся.

08-17.10.2011 г.

Николай ИЛЬИН

Я с дождём погрузу...

Ночь

День завершился устало.
Вечер из рук ускользал.
Зеркало тёмного зала —
Словно блестящий кинжал.

Тень на меня навалилась —
Словно гнала меня прочь.
Над фонарями кружилась
Чёрная-чёрная ночь.

Бросила жребий — монету,
Сжав тишину в кулаке...
Токами крови согретый
Палец лежал на курке...

Я — чья-то тень. Но не от солнца —
От одиночества в ночи.
И в чреве тёмного колодца
Лежат на дне мои ключи.

Дождь и я

Дождь, как путник, стучится у окон моих —
Навевая тоску и унынье.

Для меня и дождя — эта ночь на двоих
За окном поселилась отныне.

Мир плывёт и качается в пьяном бреду,
В непонятном кружась хороводе...
Я сегодня, наверно, к тебе не приду:
Я сегодня — как дождь на исходе.

Я с дождём погрешу. Пошепчусь в тишине —
И друг другу мы души откроем...
Только я, только дождь в чёрно-белом окне...
Но вдвоём мы все горести смоем...

Как дождя серебристые нити
Зазвонят под рукою тоски,
Так, печальным мотивом обвита,
Разорвётся душа на куски.

Засверкают созвездий скелеты,
Словно черви в сиянии луж,
И закружатся листья-монеты,
Как расписки от проданных душ.

И взметнётся над плачущим миром
Эхо времени — ввысь, в беспредел!..

Принесу — всю в заплатках и дырах —
Свою душу к тебе на расстрел.

Петербургские мотивы

(Маленькая поэма)

*Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой стройный, строгий вид...*

Александр Сергеевич Пушкин.

1.

Этот город мне в память впечатан,
Он стоит, как могучий Атлант,
И искрится гранит красновато,
Словно франта муаровый бант.

Встав под небом холодных созвездий,
Он не предал себя самого,
И, мне кажется, в каждом подъезде
Бьётся вечное сердце его.

2.

Этот город — как давняя дата,
Вдохновитель резца и пера,
Он — застывшая в камне кантата,
Он — великая повесть Петра.

Он, как прежде, спокоен и дерзок
Над могучим теченьем Невы,
Здесь грифоны историю держат —
Величаво-крылатые львы.

Здесь творили Растрелли и Пушкин,
Задавая для гениев лад,
И навеки звучит здесь по-русски
Всё, к чему прикасается взгляд.

Здесь ковалось российское кредо —
Никогда не сдаваться врагам,
Отступали от города шведы,
Что стремились к его берегам.

Как молитвенный стих повторяя,
Вдоль могил Пискарёвки иду:
Вы, блокадники, здесь умирая,
Победили фашистов орду...

Узнаю петербуржцев по лицам —
В них какой-то особенный свет.
Перестал Петербург быть столицей?
Нет, простите, я думаю, нет!

Ведь отсюда, любви негасимой
Проявляя душевную ширь,
Шли прекрасные девы России
За своими мужьями в Сибирь.

Ведь отсюда сквозь дождь и метели,
Звёзд высоких касаясь едва,
Над страной и над миром летели
Вдохновенных поэтов слова.

Этот город был кодексом чести
И высокого духа оплот,
И учил без гордыни и лести
Уважать свой великий народ.

3.

Но не только фасады Фонтанки,
Не сияющий шпиль над Невой —
Нет, я знаю его и с изнанки —
Непарадный, немыйтый, хмельной, —

Где, вдали от Невы и от Мойки,
Он печален и даже суров —
Закоулки воняют помойкой
В полумраке колодцев-дворов;

Кабаков его пьяных стенанья,
И безудержный чадный разгул, —

И ни чести здесь, ни сострадания —
Только стыд, только душащий гул...

Он параден лишь там, где Атланты
Каменеют в напряге сил, —
Сколько ярких и сильных талантов
Этот город навек загубил...

4.

Но люблю и таким его даже...

Белый бархат коротких ночей
Покрывалом на город ляжет —
Серебром тополиных свечей...

5.

Сероглазость его площадей,
И шершавость ладоней перрона,
По фронтонам бегущих коней,
Переливы трамвайного звона, —

Вспоминаю его — и не сплю,
Воспаряю над ним по-птичьи:
Этот город текучих обличий —
Всё равно я его люблю!

Андрей ШУЛЬГА

Пройдя полосу поражений...

Долгие странствия

Долгие странствия, душевные залы,
Кресла вокзалов — обычный привал...
Дым сигареты да в шляпе монеты —
Это и всё, что я в жизни видал?..

Плачет гитара, но кратки привалы,
Вовсе не скучно, и жизнь хороша...
Мчатся вагоны...

Людские законы —
Им не подвластна в полёте душа...

Возвращение

Я еду в свой город обратно,
я не был там тысячу лет,
В прокуренном тамбуре душном
нашёл я обратный билет.
Мне незачем больше скитаться —
строптивая юность прошла,
И пройденные километры
в душе не оставили зла.
Смотрю на перрон из вагона,
в вокзальную горсть суеты,
И хочется крикнуть: «Эй, люди,
вернитесь, не жгите мосты!»

Я еду в свой город обратно,
и пусть он ещё далеко —
Проходят тоска и тревога,
становится сердцу легко...

Шут

Шут, уставший от оваций,
Стал субъектом провокаций:
Презируя слуг и королей,
Он кричал про всё, что видел,
Кто кого и как обидел,
И мечтал о мести всё сильней.

Перестав сносить обиды,
Шут дерзил и ненавидел,
Несмотря на затаённый страх...
Кто-то говорил, вздыхая:
«Дураков за всё прощают!» —
С завистью холодной в глазах.

Шут кричал в душевной муке:
«Я вам всё припомню, суки!» —
В ярости сжимая кулаки...

Заливались люди смехом —
Злость шута была потехой...
Каждый знал: бессильны дураки.

Эшафот

На эшафот, играя роль,
Всходил и палачам дерзил —
За что щадил меня король
И в сотый раз мне жизнь дарил.

Я был для вас героем драм —
Но без суфлёра и кулис:
Над плахой, улыбаясь вам,
Я жил для тех, кто звал на «бис».

...
Смешно, на смертный путь ступив,
Дерзить и корчить дурака...
Руби, палач! И... что?.. Я жив?..
Неужто дрогнула рука?!

Пусть мечты перемолоты в пыль,
Пусть я падал в кипящую бездну,
Мне не важно, как прежде я жил —
Оказалось, что всё бесполезно.

Становился душевнобольным,
Становился ранимым безмерно...
Понимая, что всё это скверно,
Я серьёзное делал смешным...

Эпитафии прожитых лет,
Тяжесть дней, невесомость мгновений...
Но, пройдя полосу поражений,
Я поверил в возможность побед.

Туман и ливень

Пейзаж окутался туманом безмятежным,
А явь обволокла задумчивая мгла.
Мне стало вдруг легко, и грусть-печаль прошла,
И страх прошёл перед чужим и неизбежным.
А ливень завлекал меня за дверь,
Ведь не умею я смотреть в окно на это...
Да, знаю, я — безумец, как и все поэты,
Об этом не жалею я теперь.

Возможно, мне больнее, чем другим, и всё же
Я вовсе не хочу избавиться от лет...
В тот миг, когда, прозрев, я Богу дал обет,
Мне быть другим уже нелепо и негоже.
Но помню недописанный роман
О возвращении бродячего монаха,
Избавившего мир от зла и чувства страха...
Он воспевал то ливень, то туман.

Сергей ШПУДЕЙКО

Нарисуем счастья девяносто дней

Если в конце пути...

Дождь переходит в снег,
Снег переходит в дождь —
Ну и погода!..

 Что ж,
Значит, не до потех!

Кто-то застрял в пути —
Помощь должна прийти:
Если велит нужда,
Трудности — не беда!

Если любовь нас ждёт,
Даже в конце пути,
Надо её найти —
Надо идти вперёд!

Что сердцу ближе?

Чёрное море, угрюмый ноябрь.
С волнами борется гордый корабль.
Море вздымает волны горой,
Но наш «Бедовый» — славный герой.

Замыслы лихие
Ты оставь, стихия,
Наш корабль могучий,
Духом мы едины:

Если взлёт — под тучи,
Если вниз — в пучину!..

Палуба уходит резко из-под ног,
Командир спокоен, словно древний бог!
Волны мостик лижут, пляшут у руля!
Нам по духу ближе море — не земля!

Ревность

На сквозняке, в саду осеннем,
Стоишь, продрогшая и злая,
И подозрение измены
Тебя отчаяньем терзает.

Где истина, где злые сплетни?..
Мешают разобраться страсти!..
В дыму угарном — сигаретном
Ты душишь горькое несчастье.

Ты говоришь, что песня спета,
Что счастье пролетело мимо.
И гасишь чувства сигаретой,
И всё теряешь в клубах дыма:
Весну, любовь, объятия, лето...
Да и того, кем так любима.

Золотой апофеоз

Пожилomu царству осени
Полюбилась тишина...
Голубое небо с проседью
Утонуло в робких снах...

Солнце, в сладком вожделении,
Уронило платье в сад,
И застыл он в изумлении,
Золотой надев наряд...

А не нам ли в назидание
Чудный осени курьёз?
Вместо грусти увядания —
Золотой апофеоз!

Нарисуем счастье

Всё вокруг раскрасила художница-зима:
Забросала снегом улицы, дома,
Замела тропинок скучно-серый след
И одела землю в ярко-белый цвет.

От тоски осенней избавляя нас,
Подарила чудный снежно-белый вальс.
Заманила душу в колдовской мираж,
И сама как будто тихо впала в блажь —

Постучалась в сердце белой кутерьмой:
«Я к тебе вернулась, ненаглядный мой.
Видишь, я старалась. В мире — чистота!
Время начинать нам с белого листа».

И не стал я спорить, и сказал я ей:
«Нарисуем счастья девяносто дней!»

Пётр ПАРХОМЕНКО

*Моя душа открыта для
хорошего*

Он ушёл из жизни утром 6 февраля — Пётр Петрович Пархоменко, самый старший представитель Кировоградской областной организации Конгресса литераторов Украины. Прекрасный человек, искренне влюблённый в поэзию, о котором можно без преувеличения сказать — работал до последних дней: вынашивал новые творческие планы, успел подготовить подборку своих стихов для этого альманаха, не подозревая, что она окажется последней. Память о нём останется в сердцах его коллег по Конгрессу литераторов и в поэтических строчках, вошедших в его книги, в коллективные сборники и альманахи.

Образ Родины

Бинтует снег калину, словно рану.
Но грозди рдеют кровью сквозь бинты.
Я медлил снять плоды — я думал: рано...
И вот стоишь... израненная ты...

С повинной подойду к тебе, калина,
Шепну тебе: «Прости меня, прости...»
Ты — символ вечный, образ Украины!..
Но вот... стоишь... израненная ты...

О Родина! Несчастливая, больная..
Сквозь беды революций, пыток, битв,
В страданиях ты шла, моя родная,
Не слыша слов участия и молитв...

Но всё же, верю, как-нибудь весною
Сорвёшь с себя кровавые бинты!
И женственной, здоровой красотой
Засветятся опять твои цветы.

Ноябрь 2005 г. (редакция 2012 года)

Перед разлукой

Перед закатом
Солнце теплее,
Перед разлукой —
Ласковой ты.
Так, увядая,
Пахнут сильнее,
Словно прощаются
С жизнью, цветы.

Может, с годами
Кровь горячее?..
Стал тебя крепче
И больше любить!
К осени розы —
Ярче, пышнее,
Словно мечтают
Дольше прожить.
Перед закатом

Небо светлее,
В час расставанья
Мы нежно-грустны.
...Осенью нам
Хризантемы милее,
Чем первоцветы
Ранней весны.

*20 декабря 1979 г. — октябрь 2005 г.
(редакция 2012 года)*

Опять я у моря

О, здравствуй же, море!
Я пью чудо-звуки!
Мне влажные пальцы
Свои протяни.
И волны твои —
Хлопотливые руки.
Что в пене прибоя
Стирают они?

Кому же ты, море,
Готовишь всё это?
(Вот так же хозяйка
Полощет бельё.)
Быть может, на свете
Есть девушка где-то —
И хочешь ты к балу
Надеть на неё

Прозрачное платье,
Всё в пенной прохладе,
Из нитей прибоя
И солнечных струй,

Чтоб сделать счастливой
В прекрасном наряде?..
Трудись же, о море!
Играй и чаруй!..

*г. Ейск, Краснодарского края.
Лето 1962 г. (редакция 2012 года)*

Моя душа

Моя душа открыта для хорошего.
Когда чиста она — как дышится легко!
В неё живое семя было вброшено —
Не оступлюсь, не упаду под ношею:
Ещё готов идти я далеко.

Несу добро животным и растениям.
И помощь — тем, кому она нужна.
Заворожённый лермонтовским гением,
Я рад своим литературным бдениям,
Была бы жизнь моя без них бледна!

Она как будто свыше озаглавлена:
В ней есть мечта, и цель её ясна.
Не мной программа для неё составлена,
Но всё второстепенное отставлено:
И я опять творю, лишаясь сна...

Друзья, впитайте и в себя хорошее —
Чтоб каждый только лучшее вобрал.
Из семени, у вас в душе проросшего,
Пусть вырастет жемчужная горошина —
Откройте, люди, души для добра!

(редакция 2012 года)

Ефим АВРУЦКИЙ

Комиссары¹

*«Так пускай и я погибну
У Попова Лога
Тою славною кончиной,
Что Иосиф Коган».*

*Эдуард Багрицкий.
«Дума про Опанаса»*

Комиссары!
Полупризраки, полубоги
Из давно ушедшей эпохи,
Без фамилий, без роду, без имени,
Вы, как в детстве, врываетесь в сны мои
На конях разъяренно взмыленных,
С саблей наголо, в кожанках старых,
Комиссары...

Комиссары!
Не нужны вам в руках синицы —
Вам нужны журавли в зените!
Вы, поверив красивой фантазии,
Изрекаемой лысым «мессией»,
Вдохновенно, задорно и весело
Раскрутили кровавое месиво
На пол-Европы и Азии,
Комиссары...

¹ Произведение публикуется в авторской редакции.

Комиссары!
 Вы ушли от семьи и запоя,
 От станка, верстака и забоя,
 От сплошной беспросветной бедности
 Малых штетел² черты оседлости,
 Веру в рай земной взяв с собою,
 Чтоб в пути ее не разбазарить,
 Комиссары...

Комиссары —
 Революций шальные романтики,
 Вы от южных морей до Арктики
 Проносились в галопе, в карьере,
 На рысях — не ради карьеры,
 Вы в сраженьях себя не жалели,
 Потому так рано вдовели
 Ваши Маши, ваши Сары,
 Комиссары...

Комиссары —
 Жрецы «модерновой» религии,
 Сулившей Дела Великие:

И Равенство, и Свободу,
 И Братство всему народу...
 Но предал вас жрец верховный —
 Семинарист духовный,
 Когда ваша кровь остыла,
 К нему приползла из тыла
 Льстивая злая нечисть
 Держать возле трона свечи,
 Всякие льстивые речи
 Неугомонно базарить...
 И судьбы людей калечить,
 Комиссары...

² Штетел (идиш) — еврейские местечки «черты оседлости».

Комиссары!
В той гражданской беде громыхая,
Захлебнувшись свинцовыми ливнями,
Вы ушли из жизни счастливыми,
Ни себя, ни друзей не охая
В лапах сталинских вертухав,
Комиссары...

Комиссары!
Ваши Маши и ваши Сары
Темной ночью в конце тридцатых
После обыска были взяты...
И ушли коридорами гулками,
И раздавленными окурками
Угасали в «гулаге» молча,
Под охраною стаи волчьей,
Под глумленья гебистской сволочи,
Комиссары...

Комиссары!
Обманули вас лживые бредни:
Не добыли богатства для бедных —
Не добыть Всенародного Счастья,
Истребив сам Народ отчасти!
Не выросли райские куши
Из горя и крови имущих,
Комиссары...

Комиссары!
Ваши грозные дни и полночи
Под пожарищу зловещим заревом
Не спасли молящих о помощи,
Лишь позволили всякой сволочи,
Лицемерной и наглой братии —
Партократии — плутократии
Врать, и грабить, и разбазаривать!
Комиссары...

Комиссары!
Строго времени колесница
Расставляет событий вежи,
Ваши кожаные «доспехи»
С черноземом успели слиться,
Стерты с памяти ваши лица,
Не известно, в каком погосте
Тлеют ваши мятежные кости,
В лицо лишь один узнаваем
Среди вас —
Это дед мой Хаим...
Почему ж в двадцать первом веке
До сих пор ваш галоп мне снится —
Комиссары!
Комиссары...

.....
Комиссары!
Хорошо нам — циникам пошлым,
Дилетантски судить о прошлом...
И в презренье прищуриль веки,
Разбирая событий вежи,
С высоты двадцать первого века
Рассуждать о двадцатом веке.
Нам не ведомо — кем бы стали мы
С теми грозными годами старыми...
Комиссарами?
КОМИССАРАМИ!

Дортмунд, 2005 год.

Роман ЛЮБАРСКИЙ

Венами вечности

Иерусалим

Время здесь можно потрогать руками —
В этом Городе есть такие места...
Время здесь измеряется не веками —
Может, это море, сливающееся с песками,
Пот и кровь, истекшие по телу Христа?
А может быть, это летящий камень,
Арабчонком пущенный у блокпоста?
Время здесь движется вместе с нами —
Венами вечности или снами?
А за ним — высота. Или — пустота...

* * *

Рисует свет детали бытия
и пропадает в дымке горизонта.
Но что-то оставляет про запас,
чтобы вернуться завтра и открыть
завесу — подарить живое,
пока не ведомое глазу и душе,
Пространство,
где Бог играет с нами в жизнь,
а мы забыли или нарушаем
мудрейшее из правил —
«Возлюби...»

ЛІТЕРАТУРНИЙ АЛЬМАНАХ

Проза

Роман ЛЮБАРСКИЙ

Родниковая вода

(Новеллы)

Печь

Вырос я на окраине, которую в былые времена можно было бы назвать рабочей слободкой. На самом деле называлась она «Большая Балка». И народ здесь жил разношерстный — от пролетариев и военных до бандитов и воров.

На одном её краю было старинное Петропавловское кладбище, на другом — Дальневосточное, новое. Посреди Балки поросшая дерезой, камышом и ряской, ныряя в буграки и петляя среди гранитных глыб, весело текла мимо старых хат и могучих тополей речушка Бианка. Никто уже не знает, кто впервые дал ей такое необычное имя, которое в переводе с итальянского означает «Светлая».

Хата наша была крайней в глухом переулке, что начинался на улице Колодезной и заканчивался у Петропавловского кладбища. И того, и другого давно уже нет на карте, но я и поныне помню этот адрес — Подольский переулок, 12. По весне он утопал в зелени, зимой — в снегах. А зимы в те времена были настоящие: со стойкими колючими морозами, ветрами и обильными снегопадами. Однажды наш дом, что стоял на спуске, замело по самые окна.

Да и то немудрено. Дом, сложенный дедом Николаем из «лампача», был небольшим и невысоким, отец легко доставал рукой до потолка. Когда мама вышла за него, дед отделил молодым полхаты — комнату и кухню, к которой

позднее пристроили веранду. В ней в любое время года стоял холодный сумрак.

Когда я чуть подрос, стал понимать, что центром этого микромира являлась печь. По своей конструкции она была, видимо, самой простой. Чуть больше метра в длину и шириной около полуметра. В детстве многие вещи, явления, люди кажутся необыкновенными, порой волшебными, сказочными. Вот и наша печь мне казалась чудом. К лету её белили и заботливо покрывали, будто усталую натруженную старушку, полосатым домотканым рядом. Но зимой...

Зимой наша печь работала неустанно. Для этого летом и осенью мы с дедом пилили и кололи дрова, заполняя ими небольшую пристройку к сараю. Помню еще пронзительный, ни с чем несравнимый, запах угля. Правда, его не всегда бывало в достатке. Когда же удавалось закупить хотя бы с полтонны, носить его в сарай доводилось и мне, несмотря на возраст. С тех пор запахи в память народные обозначения таких сортов «черного золота», каких, возможно, и нет уж в помине, — «брикет», «орешек», «семечка». Носить приходилось старыми дырявыми ведрами. И зимой сквозь них просыпалась угольная пыль, оставляя на снежном полотне стежки-дорожки, что, сливаясь и переплетаясь, превращались в причудливый узор.

Чтобы печь горела хорошо, а тяга была ровной и постоянной, регулировать этот процесс приходилось с помощью заслонок, конфорок и поддувала. Лучше всех такой «механикой» владел дед Николай. Мне лишь иногда поступала команда сверху: «Открой поддувало!». Однажды из него выскочил ярко-красный уголек и перепрыгнул через набитую здесь железную пластину. Я как замороженный смотрел на него. На то, как там, внутри, переливаясь оттенками красного, пульсирует и затухает жар. Хорошо, что пол в этом месте был не деревянный, а саманный.

Да, сидеть у печи и слушать концерт из Колонного зала Дома Союзов или радиопьесу из черной «тарелки» было

едва ли не единственной отрадой в долгие зимние вечера. Особенно, когда отключалось освещение и за окном завывала вьюга. Раскаляясь, печь излучала не только тепло, но и свет. Пробиваясь сквозь чугунные кольца, его зарницы и блики играли на стенах и потолке. В то время в нашем городе о телевизорах еще только мечтали. Даже фильмоскоп считался редкостью. А у меня уже был свой «волшебный фонарь». Вокруг меня возникали образы то «невиданных зверей» и птиц, то рожицы гномов, то профиль Бабы-Яги, то битвы витязей. Всё это дарила мне печь.

Мама работала в три смены. Поэтому я часто оставался на попечении деда. Он приходил поутру и растапливал печь. Сначала аккуратно выбирал золу. Сортировал её на три доли: непрогоревший уголь снова шел в дело, крупной золой — «жужалкой» — посыпались дорожки, а пылью — «порохом» — грядки в огороде. Потом дед колот небольшим топориком лучины, закладывал немного сухой соломы, дрова и смотрел, как поведет себя огонь. Если печь дымила, он то выдвигал, то задвигал заслонки, то снимал, то снова ставил на место кольца-конфорки, ловко орудуя кочергой. При этом дед Николай все время разговаривал. Однако до сих пор остается загадкой с кем: со мной или с печью?

Дрова, припорошенные снежком, поначалу шипели, затем потрескивали, а когда огонь набирал силу и печь уже гудела от хорошей тяги, дед засыпал уголь — сразу мелкий, через время — крупнее. Прежде, чем закрыть конфорки, он аккуратно сметал в огонь куском уже почерневшего брезента просыпавшийся на плиту уголь. Процедура растопки завершалась водружением огромного свекольного цвета чайника, дед садился у окна и закуривал самокрутку с каким-то пахучим ядреным табаком. Затем брал щипцы с облупившимся кое-где никелированным покрытием и колот белый до синевы кусковой сахар. Отбирал самые мелкие кусочки, выкладывал на ломоть черного хлеба и говорил: «Вот, Ромашка, твоё пирожное». К этому времени

чайник с колодезной водой натужно пыхтел, из его гнutoго носика стойкой длинной струей шел пар.

Уже после пенсии, в свои последние годы, дед Николай работал истопником в кочегарке, что отапливала несколько домов на Башкирской улице, где отец получил квартиру в пятиэтажной «хрущевке». Школьником я часто забегал к нему, приносил поесть или просто отсидеться после раз-драя с дворовой пацанвой. Среди огромных печей, труб и манометров дед чувствовал себя спокойно и уверенно, хотя по профессии был простым слесарем. Иногда он позволял мне забрасывать в топки отборный антрацит. Я старательно махал лопатой, пока дед не останавливал: «Досыть!». Мы снова садились пить чай, и он разрезал пополам свой бутерброд с маслом и посыпал его сверху сахаром-песком.

Дед умер по весне, когда я учился в девятом классе. Спустя год хату продали, через десять — снесли. Но не о доме я больше всего жалею, а том, что так и не успел у спросить у деда, сам ли он выложил нашу печь.

Сад

В раннем детстве я считал, что он был здесь всегда. Что он неотъемлемая часть того прекрасного и уютного мира, который тогда окружал меня. Что он вечно будет дарить свои сладкие плоды, тень и прохладу.

Конечно же, наш сад появился благодаря деду. Когда он высадил здесь первые деревья, мне не ведомо. Полагаю, в том же году, когда закончил строительство дома. Сад рос прямо перед ним, на три-четыре метра ниже, поскольку дом стоял на косогоре.

Ранней весной оттуда, из низинки, шел пар, и когда все зацвело, сад источал тонкий, кружащий голову, аромат первой клейкой зелени. А через несколько недель распускались по очереди абрикосы и сливы, яблони и груши. Это было преддверием майских праздников. И когда уже вовсю кипе-

ла сирень (её разномастные кусты росли не только на краю сада, а по всей округе), хотелось взлететь и парить среди голубых мотыльков, желтых бабочек и ярко-зеленых жуков.

Как удивительно радостно и легко было просыпаться ранним июньским утром! Выйдешь во двор, а сад уже пронизан солнечными лучами и манит тебя таинственными переменами, зазывает шепотом листвы, овеивает запахами трав и цветов. Мигом спускаешься по неровным ступенькам, сворачиваешь на росистую еще тропку — в тени земля жгет холодом босые ступни, а на открытых местах уже дарит тепло. Слева — грядка с клубникой, справа — кусты красной и черной смородины. Потом — вперемешку — яблони, вишни, сливы... Вот прямо из-под ног выскользнула маленькая изумрудная ящерица. А вон прошуршал в лопухах озабоченный ёжик.

Я мог галопом проскакать через весь сад и огород, туда и обратно. А мог подолгу наблюдать, как внутри смородинового куста смешно раскачивается, а потом начинает латать свою хитроумную сеть невзрачный серенький паучок. Или как в кронах яблонь, под игрой ветра и светотени, золотится белый налив.

Лазать по деревьям я научился довольно быстро. Бесстрашно взбираясь на любую верхушку, например, шелковицы, мог полчаса висеть там, поедая самые спелые и крупные ягоды. Родители ругали за это, но тут на защиту вставал дед Николай: «Кому суждено сгореть, в воде не утонет».

Кажется, не было такого года, когда фруктовые деревья в его саду не плодоносили. Этим особенно славились вишни, обычная и крупная — «шпанка». И в урожайную пору дед смело отправлял меня туда, куда уже не дотягивалась сбитая им деревянная лестница. Тогда мне на шею надевали легкую клеенчатую сумку или давали в руку небольшое жестяное ведерко, которое можно было повесить на сук или зацепить за ветку с помощью небольшого алюминиевого крючка. После двух-трех деревьев я становился похож на индейца

— то тут, то там на мне красовались красно-черно-коричневые пятна и полосы. Особенно это огорчало мать, ей приходилось потом долго отстирывать хозяйственным мылом мои трусы и майку.

Часто урожай вишен был таким обильным, что справиться с ним не могла даже вся семья. Из них варили компот и варенье, закрывали в банках в собственном соку, готовили настойку и делали вино. И даже отправляли с проводником поезда в Москву, чему несказанно радовались столичные родственники. Они привыкли к этому благоденствию настолько, что обижались, когда в неурожайные годы получали в подарок одно, а не три ведра отборных ягод.

Как я потом понял, дед Николай был мичуринцем-самоучкой. В его маленькой мастерской, при входе слева у окна, было несколько книжных полок. Он смастерил их сам. На них среди разных книг и пособий особенно выделялась одна. Во-первых, крупным форматом. Во-вторых, что больше всего привлекало мою детскую любознательность, в ней было полным-полно ярких цветных иллюстраций, на которых в натуральную величину изображались практически все фруктовые плоды. Дед частенько заглядывал в неё, очевидно, чтобы свериться с какими-то своими мыслями и соображениями. Осенью он выносил из мастерской небольшую пилу, садовые ножницы и ведро с неизвестным мне составом сине-зеленого оттенка, который готовил тут же. Он медленно ходил по саду и присматривался к деревьям, высоко задрав голову. Срезая ветки в одному ему известном порядке, дед при этом хмурился. Очевидно, хорошо понимал, какую боль причиняет дереву. А по весне, надев очки и усмехаясь в усы, дед Николай колдовал над прошлогодними срезами. Он пытался привить грушу к яблоне и наоборот. А уж если говорить о внутривидовом скрещивании, тут он достиг явных успехов.

Особой его гордостью была яблоня-китайка. Мне не позволялось не то что трясти, даже подходить к ней. Это дере-

во было самым раскидистым, с толстым стволом и гладкой светлой корой. А плоды его — самыми крупными, они едва помещались на дедовой ладони. Дед снимал яблоки с помощью длинного шеста, на конце его висел одетый на широкое железное кольцо старый капроновый чулок. Там же из шеста выглядывало хорошо заточенное узкое и плоское жало. Дед аккуратно подводил нож под короткий хвостик, на котором держался плод, и резким движением срезал его. Яблоки плавно скользили внутрь импровизированного сачка. За один заход дед Николай снимал их два-три, не больше. На вкус они были очень сладкими, с плотной сердцевиной и необычайно ароматными. Некоторые могли достигать до 700 граммов веса. Бывало, дед не успевал снимать созревшие плоды. Тогда яблоки сами падали на землю с таким шелестом и уханьем, что все в доме слышали этот звук. Когда же из них готовили варенье, то гости наперебой хвалили его и замечали, что эти яблоки напоминают айву.

Ещё одной привязанностью деда Николая, но чуть позже, стало разведение винограда. А было это так. Однажды кто-то из зажиточных соседей похвастал перед дедом тем, как хорошо у него принялся и «дамский пальчик», и «шасла», и «кардинал». Выслушав удачливого виноградаря, мой дед той же осенью закупил несколько черенков благородной лозы. Через несколько лет у него поднялся уже свой — пусть небольшой, но «крепкий» — виноградник.

С этих пор деда всегда интересовало, какой будет зима. Если она ожидалась лютой, он бережно пеленал морозоустойчивые сорта плотной материей, остальные подрезал и тщательно засыпал землей. А примерно в середине апреля осторожно откапывал их небольшой саперной лопатой, укреплял покосившиеся столбцы, подтягивал проволоку и подвязывал к ней оживающую лозу. Когда она давала густую поросль, дед снова брал садовые ножницы и срезал лишние виноградные листья. К осени здесь красовались тяжелые налитые гроздья. Одни светились изнутри, как топаз, другие

отсвечивали темно-зелёным жемчугом, третьи — иссиня-черными карбункулами.

Мне было восемь, когда мы переехали в большой панельный дом на улице Башкирской. Дед Николай квартировал некоторое время у нас, а потом вернулся на Балку в старую хату, где и доживал свои дни. Ни дома, ни сада, ни Подольского переулка уже давно нет. Но слева у входа в каждый из четырех подъездов старой облупившейся «хрущевки» по-прежнему тянется вверх и оплетает почти все пять этажей виноградная лоза, посаженная моим дедом.

Велосипед

Этот велосипед прослужил долго. И проделал длинный, необычный путь. Через расстоянья и через годы. Я его помню с тех пор, как меня стали водить в детский сад. А до этого он жил другой жизнью. Может быть, даже и не одной.

— Надежная веломашина, — так уважительно говорил о нем дед Николай.

И вправду, когда стал постарше и освоил вождение этой «машины», я понял её преимущества. Во-первых, этот велосипед был более устойчивым за счет ширины обода и увеличенной тяжелой трапециевидной рамы. Поэтому, в отличие от «Украины» и «Урожая», он был чуть выше и длиннее. Во-вторых, он имел огромный багажник, куда при необходимости можно было приторочить рундук с инструментами или мешок зерна. Или сиденье со спинкой и подушечкой, чтобы возить на нем внука. Что и делалось, ибо дед частенько забирал меня из садика. В-третьих, велосипед имел диковинный руль. Он удивлял не только своей формой — необычной изогнутостью и размахом — он был съёмный. Нет, нет, его не надо было раскручивать гаечным ключом на 12 и на 14. Он легко снимался и возвращался на место при помощи хитроумного замка. Просто нужно было знать как. А этим секретом владел только дед.

Когда ростом я был не выше седла, то научился ездить особым способом — «под раму». Им пользовалась тогда вся балковская ребятня. Это сразу повышало авторитет тех, кто еще вчера катался на детском двух- или даже трехколёсном «велике». Позже я с улыбкой наблюдал, как старательно крутит педали какой-нибудь восьмилетний шкет и тянется подбородком вверх, чтобы смотреть выше руля.

А когда я уже совсем доставал ногами педали, сидя в седле, действительно почувствовал себя всадником. И обзор здесь был другой, и равновесие нужно было держать иначе. Однако трудно давалась мне эта наука. Чтобы управлять такой тяжелой машиной, нужно приложить немало сил. Да и знания кое-какие нужны. А их ещё не хватало. Дед лишь со стороны наблюдал, как я падаю, набивая шишки и синяки. Только после кровавых ссадин и ран давал совет, как лучше держать руль, как и когда поворачивать и зачем нужно переключать скорости. Вот, чуть не забыл, эта модель отличалась еще и двухскоростной передачей. Одна — для ровной дороги, вторая — для подъёма в гору.

Подниматься на велосипеде из переулка вверх по Колодезной — дело нелегкое. Не каждому по зубам. Точнее, по ногам. Крутой длинный подъем и неровная, с острыми выступами, брусчатка, ямы, кочки и рвы на обочинах утомят даже крепкого ездока. Дед Николай преодолевал этот путь до середины, потом вел своего коня «в поводу» до Коммунистического проспекта, иногда — наоборот. Но с годами ему становилось все труднее справляться с этой задачей.

То ли дело спускаться вниз, в балку. Дед всегда любил проехать с ветерком. А перед переулком, притормозив ручным тормозом, преодолеть самый низкий бордюр и свернуть в тенистую прохладу, ведущую к дому. В дни зарплата и каких-то непонятных мне тогда праздников этот маневр не всегда проходил удачно. В такие дни из сада меня забирал кто-то другой. Но однажды не срослось. То ли все подзабыли, что у деда получка, то ли он в этот

день, по его выражению, «подкальмил», в общем, случился и смех и грех.

Помню, мы поднялись вверх по Володарского до продмага на углу Коммунистического проспекта. Дед, слегка пошатываясь, снял меня с багажника, потом отстегнул руль, чтобы велосипед не стал добычей какого-нибудь «лобуряки», и положил его в холщовую сумку. В продмаге он, как обычно, купил кирпичик хлеба за 16 копеек и сто граммов ирисок «Кис-кис» для меня.

Уличное движение тогда было не таким насыщенным и активным, как сейчас. По проспекту изредка проедет то грузовик, то «Победа», то мотоцикл, или у магазина развернется автобус девятнадцатого маршрута. А уж на Колодезной запах бензина вообще был редкостью, здесь в основном пахло навозом. Это обстоятельство, видимо, и уберегало деда от серьезных травм. Только не в этот день.

Трясаясь на выбоинах мы быстро спускались вниз, вот уже виден поворот в переулок, дед Николай начинает притормаживать и тут... То ли он слишком резко нажал передний ручной тормоз, то ли сманеврировал прямо в высокий бордюр — велосипед сделал «козла», заднее колесо поднялось в воздух, я вылетел из багажника и врезался носом в землю. Дед поранился тоже. Но первым делом достал из кармана мятый, пропахший табаком, платок и сказал, чтобы я не ревел, а зажал им свой нос. Вот такими — ободранными, в крови и ссадинах — мы появились дома. Наградив деда всеми полагающимися в этом случае эпитетами, меня повели отмывать и лечить. А дед Николай пошел к себе в слесарню — после удара переднее колесо повело «восьмеркой» и его нужно было отрихтовать.

Как-то, будучи уже школьником, я спросил у деда, откуда у него этот диковинный «аппарат». Он нехотя ответил, что как-то зимой пришли партизаны и обменяли его на хлеб и муку. Не знаю, правда ли это или всего лишь придуманная дедом легенда, но велосипед действительно был немец-

кий. Очевидно, на его раме когда-то красовалось фирменное клеймо. Но дед периодически красил её черной масляной краской, чтобы ушлые люди не задавали лишних вопросов. Только одну деталь не смог или не захотел замаскировать дед — заднюю втулку. Она всегда серебрилась никелем. Дед втайне гордился ею и никогда не разбирали. Потому что подшипники в ней ни разу не посыпались. Они были из крупноповской стали. И если велосипед перевернуть и поставить «на попа», на втулке можно было прочесть «Dinamo» и рядом, чуть помельче, «Leipzig».

Кто был его хозяином изначально — загадка. Возможно, такой же рабочий, мастеровой человек, как и мой дед. Или на нем ездил какой-нибудь мелкий торговец-лоточник. Или клерк. Или его создали специально для нужд немецкой армии, которая в 30-е годы XX века уже набирала свою милитаристскую мощь. Теперь это никому не интересно, кроме меня. Покопался бы в Интернете, может быть, и определился с его маркой. Да жаль, ни одной фотографии деда с велосипедом не сохранилось. Одно лишь могу сказать доподлинно: этот «чужеземец» прослужил нам не меньше тридцати лет.

Тенька

Его оставили, пожалуй, из-за окраса. Всё многочисленное потомство Мурки отличалось от него. Вокруг резко поухудевшей мамыши копошилось и пищало пятнистое черно-белое семейство. Только наш герой был дымчатый, да еще и полосатый. Потому, наверное, и получил кличку Тенька. Когда Мурка бросила его кормить, он и вправду как тень ходил за мной, вымячивая блюдце молока.

Кот быстро подрос, и у него обнаружился сильный охотничий инстинкт. Но поначалу он «сработал» не в ту сторону — Тенька стал давить маленьких цыплят. За что был неоднократно бит веником. Хотя больше всего почему-то боял-

ся метлы. Если порой он мог спокойно улечься возле веника и дрыхнуть всласть на солнцепеке, то метлу всегда обходил стороной.

Кроме бабы Шуры, Теньку еще невзлюбил Рекс. Дед говорил: «Цэй овчар — нимэцьких кровей и дразнить его не трэба, может укусить». Да, с этим громадным псом шутки были плохи. Рекс контролировал большую часть двора и мог передвигаться на цепи вдоль длинной и толстой проволоки, вбитой в землю прикрученными к ней острыми штырями. Эту конструкцию вместе с собакой можно было переместить куда угодно — в огород или вдоль садовой ограды. Тенька понимал, чем ему грозит встреча с Рексом, он всегда опрометью пересекал двор и прятался под крышу сарая.

Но однажды, охотясь на дикого голубя, кот то ли замешкался, то ли посчитал, что пока пёс выскочит из будки, он успеет завершить манёвр. Беда в том, что Рекс в этот момент прятался не внутри, а за будкой. И явно выслеживал Теньку.

Длины цепи как раз хватило, чтобы в два прыжка перерезать путь полосатому охотнику. Рекс уже обнажил клыки, но в последний момент почему-то передумал лязгнуть ими. Он всего лишь поддел бегущего кота, и тот, кувыркнувшись в воздухе, просто улетел со двора. Падение Теньки смягчил пологий откос, до ближайших шипов тёрна оставалось несколько сантиметров. Но Тенька родился под счастливой звездой. И потом, верно говорят, коты — прекрасные эквилибристы и умеют пружинисто приземляться прямо на лапы.

Я единственный, кто жалел этого шкодника. Кормили, поили периодически все, но ласкать — не ласкали. После стычки с Рексом кот с перепугу целые сутки не появлялся возле своего блюда. Может, он подумал, что «эти злые люди» специально натравили на него собаку?

Нашел я его на следующий день в дальнем углу огорода, под раскидистым лопухом. Тенька мирно спал, подста-

вив живот мягким закатным лучам солнца. Я разбудил его и кот, мурлыкнув в ответ, поднял хвост и затрусил за мной. Получив припрятанное на кухне кольцо «Любительской», он снова повторил своё «муррму» и потёрся о ногу.

Ещё через день Тенька принес мне полуживую мышь. Принёс и положил прямо на пороге. А чтобы я не сомневался, что с нею можно ещё и поиграть, похлопал её лапой, слегка выпустив коготки. Мышка пискнула и задергалась. Тут из хаты вышла мама и приказала мне выбросить подалее «эту гадость». Тенька в мгновение ока куда-то спрятался. Я взял мышь за хвост и выбросил в сад. Через минуту Тенька снова появился передо мной, держа в зубах ту же мышку. Выражение его глаз и мордашки будто бы говорило: «Эй, паренек, не разбрасывайся подарками. Бери, это же от меня!».

Однажды, много лет спустя, я читал на студенческом вечере есенинское «Ты меня не любишь, не жалеешь...». Дойдя до третьей, особенно мной любимой, строфы, я произвольно бросил взгляд в окно. Там на широком каменном выступе сидел серый полосатый кот. И тут из моих уст ненароком вырывается «Знаю я — они прошли, как Теньки». Конечно, я тут же спохватился, исправился, но, с трудом подавив смех, расплылся в улыбке. Никто не понял почему. Некоторые педагоги осуждающе качали головами. Ведь это совсем не вписывалось в драматический накал страстного любовного монолога.

Пава и Валя

Наш разум выделяет порой необъяснимые штуки. «Необъяснимые» звучит парадоксально. По отношению к разуму. Недаром говорят, что душа — от Бога, а разум — от дьявола. Счастлив тот, кто сумеет соединить их живой нитью, привести в гармонию. Ну, а как живут те, чей разум затемнен, те, кого неверно называют душевнобольными?

Паша и Валя всегда ходили парой.

Паша, в порыжелой ушанке, ватнике, военных галифе и тяжелых кирзаках, шел впереди, как правило, глядя в землю, словно искал одному ему известную тропку, а Валя, спрятав замурзанное печеное личико в платок, семенила чуть в стороне и всегда на три шага сзади.

Я помню их с самого детства. Их лица будто бы не старели. Их одежда и ритм походки почти не менялись. Долгие годы они жили в ветхой, покосившейся халупе, которую все в округе почему-то называли «землянкой». Наверное потому, что она находилась в небольшой котловине, и даже сверху, с Колодезной, была почти не видна среди зарослей дикой акации, бузины и сирени. И когда они выходили оттуда на свет Божий, медленно поднимаясь вверх по острой брусчатке старой окраинной улицы, балковская шпана с гиканьем и свистом окружала их, осыпая насмешками и ругательствами, а самые отъявленные «герои» стреляли из рогаток.

«Пава Головатый и Валя Триклята» — была самой безобидной из их «шутков». Как сквозь строй, с каменным лицом проходил между ними Паша, ни разу не повернув головы. И только Валя, которую донимали больше, сухим надломленным голосом скрипела: «Поганци. Поганци». А когда ей совсем становилось неважно, с мольбой стонала: «Па-авлик!». И тогда Паша, развернувшись всем корпусом и по-прежнему глядя в одну точку, говорил: «Ось як визьму каменюку и дам в лоба». Но если даже и бросал камень, то всегда мимо.

Паша подрабатывал на рытье могил или на рубке дров. А Валя чаще всего сидела дома, реже — собирала бутылки или помогала заносить уголь в сараи зажиточных хозяев.

Видимо, когда он болел.

Думаю, что палку с острым гвоздем или заточенной проволокой для сбора окурков первым придумал Паша. Во всяком случае, это орудие бомжей конца 80-х я видел у него задолго до перестройки. Он пользовался им редко.

Очевидно, лишь при крайней нужде. А когда у Паши во-
дилась копейка, он курил «Казбек» и пил пиво. Но никогда
я не видел его нетрезвым.

Первой умерла Валя. Как рассказывают, Паша зака-
пывал ее сам. Тогда он, наверное, впервые с горя напился.
А ровно через три дня и его не стало.

Теперь они шагают в ногу.

Родниковая вода

Большая Балка славилась своими родниками. В пору мое-
го детства по обоим берегам Бианки то здесь, то там проби-
вались ключи с прозрачной и вкусной водой. Тогда это мало
кого удивляло и редко кто понимал красоту и святость этих
мест.

Пока не выкопали колодец вблизи дома, ходить за водой
приходилось на дальний край, к кринице в самом начале
переулка. Об этих временах еще долго напоминало старое
потрескавшееся коромысло, которое сначала висело на ве-
ранде, а затем перекочевало в сарай.

Колодец построили вскладчину, собрав деньги с трех
или четырех дворов. Отвечал за дело дед Николай. Помню,
экскаватор с трудом протиснулся в узенький кривой пере-
улок, а дед шел впереди и руководил маневрами, пока не вы-
вел его на то место, где нужно было копать. Меня к нему
не подпускали, и я сверху, со двора, наблюдал, как натуж-
но рычит мотор экскаватора, как из его ковша высыпается
желто-красная глина, как привозят и устанавливают гро-
мадные бетонные кольца.

Дед сам смастерил крышки и барабан, сам укрепил
на нем длинный металлический шнур и цепь, которая глухо
позванивала при спуске и подъёме. Чтобы заглянуть в коло-
дец, нужно было привстать на цыпочки. Он меня не пугал,
хотя и был довольно глубоким. Вода в нем всегда отливала
холодным серебром, но когда сорвавшиеся с цепи капли

пробежали сквозь заглянувшие внутрь лучи, капли эти казались разноцветными изумрудами.

Поднимать воду из колодца мне долго не разрешали. Дед позволял только присутствовать при этом. А зная мою подвижность, он внимательно следил, чтобы я был на безопасном расстоянии от ручки барабана.

Но ведь это же больше всего и соблазняло! Смотреть, как дед, сначала отмотав немного цепи, опускает и выравнивает ведро, затем несколько раз вращает ручку и, наконец, отпускает ее, кладя руку на отполированный барабан, который раскручивается все быстрее и быстрее; и вот ведро с шумом врезается в воду, а дед шевелит порыжевший стальной шнур, проверяя наполнилось ли оно до краев. Подтянув его примерно до середины, иногда дед Николай позволял мне «помогать» ему. И мы вместе вращали ручку — он степенно и уверенно, а я — пыхтя и едва дотягиваясь до верхней точки поворота.

Дед набирал два ведра — «для равновесия», а третье поднимал, закрывал крышку и оставлял на скамейке у колодца, слегка отпустив цепь. Разгадку я понял позднее: по соседству жили три безмужние старушки.

В зимнюю стужу воду нужно было набирать и носить очень аккуратно. Потому что с каждым выплеском колодец, лавочка и дорожка к нему обрастали ледяной коркой. Земля вынутая из колодца образовала вокруг пологий взгорок. Подняться — всего два шага. Но зимой тропинку сюда обязательно нужно было посыпать «жужалкой». Не говоря уж о крутой дорожке к дому, которая на радость мне моментально превращалась в «скобзалку», как доньше говорят в наших краях.

К лету вокруг колодца вырастала самая сочная трава. Среди спорыша, ковыля и клевера таинственно появлялись и исчезали то желтые одуванчики, то синие барвинки, то красные маки, то разноцветный душистый горошек. Набегавшись вволю, приятно было хлебнуть родниковой

воды, присесть на траве в тени колодца, прижавшись спиной к теплому бетону, и наблюдать, как огромный шмель кружит вокруг фонарного столба или как рота пятнистых «солдати́ков» прокладывает путь на соседний огород, над оградой которого гордо возвышаются нежно-розовые мальвы.

Мой путь среди хитросплетений судьбы тоже был непростым. Десять лет я жил в других городах и странах. Но всегда ощущал зов родной земли, чьи запахи впитал с детства. И пусть нет уже здесь Подольского переулочка с его криницами и дедовым садом, но осталось в этой окраине и во мне нечто большее, корневое — то, что называется родиной. То, без чего засыхает душа, глохнет слух, слабеет голос.

Світлана ТИМКО

Два оповідання

Тричі залежний

Вони сиділи на канапі і дивилися їй в очі. Мати з тривогою та надією, а син з повною байдужістю, крізь яку все ж пробивалася насмішківата недовіра.

Валентина Іванівна, до якої мати привезла свого сина лікувати від алкогольної залежності, давно звикла до таких, як у цієї мами, змучених поглядів, які благали про допомогу, та поглядів клієнтів, ось таких байдужих і приречених.

Жінка давно лікувала залежних від алкоголю, нікотину, наркотиків та ігрової пристрасті, звикла до свого дару нетрадиційно лікувати і сприймала перші погляди клієнтів без емоцій. Зате як змінювалися погляди цих самих клієнтів після лікування. Після годинного лікування на неї дивилися зовсім іншими очима, в яких уже можна було побачити зачудування, подяку та віру в диво. У матері по щоках текли сльози. Вона благала про порятунок для свого сина, адже знала від знайомої, що ця жінка лікує надійно і надовго.

— Його відчислили з інституту. Все, що я заробляю, іде йому на випивку та азартні ігри. Ми вже б мали золоті гори. У мене прибутковий бізнес, — говорила поспіхом, витираючи сльози. — Дійшло до того, що вже нічого не їсть, лише курить якесь зілля, після якого втрачає пам'ять. Гине в мене на очах. Допоможіть. Останні два дні він тримається за голову і бурмоче до себе, що йому конче треба щось пригадати. Ви йому і в цьому допоможете?

— Звичайно, — лагідно посміхнулася рятівниця, але в її очах застиг смуток. Занадто багато з'явилося таких хворих,

і що року вік їх зменшується. Вона ж лише небагатьом із них може допомогти. Багато про неї не знають, та вона ніде й не рекламує свої здібності: це лікування занадто забирає в неї багато сил. Отож скільки зможе, стільки й вилікує оцих нещасних.

У прибулої були червоні, підпухлі від сліз очі. Їй було десь близько сорока. «Їй би чепуритися, насолоджуватися життям, займатися улюбленою роботою, а вона не просихає від сліз», — подумала лікарка. В свідомість закрався осуд: ні нарікань, ні звинувачень, ні злості. Що то мати. Оця прощеність, мабуть, найчастіше і губить синів. І за красу свою забула. Чомусь спало на думку: яка вона, напевно, красива, коли щаслива, коли посміхається. Має великі чорні очі, чорне волосся, абияк закручене на потилиці у вузол, гарно окреслені губи та білі рівні зуби. Тільки всміхатися. Син схожий на матір, такий же чорнявий, але коротко стрижений, волосся цупке, мов їжачкові колючки. І він, схоже, давно не усміхався. Дуже образливо, що всі їхні муки добровільні...

— Мені залишитися, чи вийти з кімнати? — запитує мати.

— Залишитесь. Це ваше право. Простежите сама, як ваш син повертатиметься до життя.

Мати вдячно глянула на неї і усміхнулася. У Валентини Іванівни перехопило подих: та їй же, мабуть, і тридцяти п'яти немає, вона молодша від мене, подумала втішно. Тепер вона такою і буде. З цим почуттям полегшеності вона поклала свої руки на голову хворого.

Пройшла година. Кілька раз хворий знеможено схилив голову, і стільки ж мама подавала йому склянку з водою, та лікарка продовжувала сеанс.

— Я пригадав! — враз скрикнув юнак і схопився з стільця.

Мати кинулася до нього:

— Синочку, Олежику, що ти пригадав? Говори!

— Мамо, я пригадав! Останній раз я бачився з Вікою минулого тижня. Вона тоді була ще в гіршому стані, ніж я. У неї хворі нирки. Після випивки вона дуже страждає. Її не можна пити, але вона сказала, що помре разом зі мною.

Валентина Іванівна глянула на матір, чекаючи пояснень.

Мати винувато схилила голову:

— Його дівчина пила з ним. Я її розумію. Адаже дивитися на його муки, терпіти його п'яні витівки не кожному під силу.

— Мамо, — вигукнув Олег. — Мене відпустило, мені легше. Мерщій поїхали по Віку. Поїхали, мамо.

— Олеже, ми ще ж не закінчили лікування, — зауважила господиня. — Але перерву ми зробити можемо. Можете поїхати за своєю дівчиною. Це ще краще буде. Обох полікуємо разом.

Олег похашцем натягнув на себе куртку і вискочив за двері. Мати затрималася:

— Ми повернемося десь за дві години. Майже годину їхати в місто. Кілька хвилин на збори хворій — і відразу сюди.

Вона глянула на годинник:

— Зараз десята. Після дванадцятої будемо.

Валентина Іванівна полегшено зітхнула і пішла ставити чайник на газову плиту. Чай найшвидше допомагав відновлювати втрачену енергію. Жодного разу вона не зважувала вагу свого тіла перед сеансом, але була впевнена, що за сеанс вона втрачала до двох кілограмів. Це її тішило, адже вона жінка і схуднення їй теж було потрібне. Та вона ще знала, що втрачена енергія повільно повернеться до неї.

Через дві години жінка почала хвилюватися. Не було ні дзвінка, ні самого клієнта. Ще раз напилася чаю, одягла плащ і вийшла на вулицю. Примружилася від яскравого сонця. Була пора, коли сонце світить, але не гріє. Під ногами зашурхотіло горіхове листя, сповнюючи подвір'я чудовими пахощами. Біля хати ріс горіх, і жінка завжди милувалася

його красою та насолоджувалася приємними пахощами все літо та й майже всю осінь. Навіть опале, пожовкле листя радувало. Біля воріт не було нікого. Глянула вздовж вулиці — пусто. Ох, ця невпевненість. Не треба було відпускати хворого. Закінчила б сеанс, і хай би їхали куди хотіли. Але ж вона завжди намагається поводитися так, як краще для хворих. Повернулася до кімнати. В цей час телефон озвався. Поспіхом вхопила слухалку.

— Алло, Валентино Іванівно, — почулося з неї.

— Я слухаю, — відповіла спокійно.

— У нас нещастя. Поїхали до Віки, Олегової дівчини, а там траур. Її немає. Кілька днів тому похоронили. Нам не повідомили. Родичі дівчини Олега ненавиділи. Син у відчай. Що робити?

— Як що? Негайно до мене. Я закінчу лікування, заспокою його: зітру з його пам'яті жаль за дівчиною. Чекаю.

Хвилин через десять мобільний озвався знову.

— Ви їдете? — запитала знахарка.

— Олег не хоче їхати. Він заявив, що хоче випити і залишитися з нею.

— Як це випити?! — обурено вигукнула жінка. — Горілка вже йому не піде, не заспокоїть. Вона для нього — отрута. Їдьте до мене. Лише я зараз можу зарадити йому. Де ви?

— На цвинтарі. Олег вимагає горілки.

— Відійдіть від нього, щоб не почув. Кажіть, що їдете по горілку, а їдьте до мене. Я попрошу зятя і ми виїдемо вам назустріч.

Жінка знову одяглася і вибігла за хвіртку. Зять жив неподалік. Побачивши схвильовану тещу, запитав:

— Куди їхати?

— В місто. Як завжди. Десь серед дороги зустрінемо зелене авто. Зупинишся: там хворий.

Вони не проїхали й половини шляху, як Валентина Іванівна помітила знайому машину.

— Зупиняйся, — попрохала зятя.

Той дав сигнал і зупинився.

Зустрічна машина зупинилася теж. З салону вийшла мати хворого.

— Як він? — запитала цілителька.

— Заснув. Я дала йому снодійне. Я так робила неодноразово, коли він поводився агресивно.

— Що ж поїдемо всі до мене. Це добре, що спить. Під час сну сеанс іноді дає самі позитивні результати.

Вранці Олег прокинувся, відкрив очі і побачив на порозі кімнати господиню, тож запитав:

— Де я?

Жінка привіталася і пояснила:

— Тебе мама залишила в мене. Ти спав. Ти пам'ятаєш, що я тебе лікувала?

— Та... щось пам'ятаю. І про Віку пам'ятаю.

— У тебе була істерика. Ти хотів померти. Ти і зараз цього хочеш?

Хлопець сів, обвів поглядом кімнату:

— Здається, не хочу. Взагалі в мене таке враження, що я — це не я. Таке дивне почуття: ніби гора з моїх плеч звалилася. Звідки ця легкість, звідки відчуття оновлення? Голова легка, думки ясні...

— Це тому що я тебе вилікувала. Послухай мене уважно, Олеже. Згадай: скільки зараз хворої молоді, покаліченої алкоголем.

Хлопець швидко відгукнувся:

— Я не пив горілки. Лише пиво.

— Ось ти сам знайшов причину своєї хвороби. Пиво теж алкогольний напій. Його зараз розхвалюють, рекламують, мовляв хто п'є пиво, той сьогочасний герой. Твоя Віка повірила в це тлумачення. В її очах ти був тим героєм, з якого треба брати приклад. За це вона й поплатилася життям. Від пива померла Віка. Ти теж міг дуже скоро згаснути. Адже ти був тричі залежний: від алкоголю, азартних ігор та наркотиків. Скільки ще ж лишилося таких, яким ти був вчора.

Ще ти хотів померти. Зайва втрата. Хто ж зупинить лихо? Я порятувала тебе від трьох залежностей з надією, що ти станеш моїм помічником. Ти готовий до цього? Чи будеш байдуже спостерігати, як гинуть твої ровесники?

Хлопець знічено глянув на свою рятівницю:

— Я не знаю, чи зможу. Мої знайомі дорікатимуть мені, що я такий самий.

— Але ж ти тільки що сказав, що відчув в собі зміни. Зрозумій, це буде твій козир. Скажеш: так, я був таким самим, я був однією ногою на тому світі, але я не захотів померти. Я полікувався, тому що ще не жив. Зараз ти запишеш мій мобільний номер. Я телефоную твоїй мамі і вона приїде за тобою. Ти поїдеш додому і щотижня будеш звітувати, скільки молодих людей ти відштовхнув від прірви.

— Навіщо це вам? — здивовано запитав юнак.

— Мені ж потрібно знати, дуже потрібно. Тому, що я знаю: крім нас самих, нам ніхто не допоможе. Олігархам потрібні гроші. За те своє розхвалене пиво вони мають мільярди. Їм байдуже у скількох молодих людей заберуть здоров'я, чи й життя. У мене четверо внуків. Мої дві доньки майже разом вийшли заміж. Найстарший онук п'ятирічний Максимко уже завзятий агітатор за тверезе життя. Хочу поки внуки виростуть, підготувати цілу армію таких агітаторів. Пристанеш до цієї армії?

— Думаю, що так.

— Думаєш, чи пристанеш? — прискіпливо допитувала-ся рятівниця.

— Пристану! — твердо пообіцяв Олег.

З вулиці почувся сигнал. Приїхала Олегова мама.

— Ну, я побіг, — схопився з місця хлопець, але в дверях зупинився: — Спасибі Вам, Валентино Іванівно. Я буду жити!

«Побіг, — відзначила подумки господиня, — це добре, матиму ще одного помічника».

З вулиці почувся довгий гучний сигнал, жінка поспішила до воріт.

— Це Вам моя подяка за порятунок! — вигукнув Олег. Його мати привітно махала рукою і усміхалася.

На тому березі

Від самісінького ранку Наташа підгортала на городі картоплю і, добряче втомившись, пішла на берег до річки помити руки і ноги в теплій річковій воді. Оце так, на городі та біля річки, провела вона свою відпустку.

Стояв чудовий червневий день. Небо спочивало на дні річки, жаби вигрівали край берега свої округлі боки. Жінка вже нахилилася до води і раптом побачила незнайомця, який сидів під кушем верболозу з вудкою і з цікавістю спостерігав за нею.

— Ой, мимоволі вирвалося у жінки.

— Невже я такий страшний, — приємно усміхнувся чоловік.

— Та це я від несподіванки, — спалахнула рум'янцем Наташа.

Вони розговорилися. В одній школі не навчалися. Коли Наташа приїхала у село в статусі дружини Олега, то Анатолій, так назвався незнайомиць, уже працював, закінчивши сільськогосподарський інститут, на дослідному полі цього ж інституту. Дивно, що вони ні разу до цього не зустрічалися під час приїзду до батьків у село. Жінка розповідала, що працює в редакції. Придивившись уважніше до молодії жінки, чоловік усміхнувся ще привітніше.

— Та я вас добре знаю. Ще сьогодні бачив на своєму столі у газеті фото. Батьки отримують районку. Це ж ваше фото на літературній сторінці, а за ним ваші ліричні вірші. Вони мені сподобалися. Перепрошую, той романтичний герой — ваш чоловік?

— Скоріше вимріяний, — мов на сповіді, щиро зізналася Наташа.

— Дивні ми люди, все краще у нас лише вимріяне, — в задумі підсумував Анатолій.

Заходячи, сонце розсипало над горизонтом своє яскраве проміння і розстелило його долі, а вони все ще розмовляли. Кілька разів Оленка прибігала до матері, та вгледівши чужого чоловіка, поверталася до хати.

— Вас не сваритимуть? — занепокоєно глянув на неї Анатолій.

— Нема кому сварити. Олег, чоловік, на роботі травмував ногу і зараз в санаторії на лікуванні, — стиха сказала жінка, притискуючись спиною до верби.

Вона з подивом прислухалася до свого серця. Давно з нею такого не відбувалось. Оцей чоловік ніби прив'язав її до цієї верби, до цієї річки та до самого себе. Погляд його синіх очей перетворив її на 15-річне дівчисько. Що це? Навіщо? Вона нічого не планувала міняти. Та й чому відразу міняти? Він он який красень.

Боже! Навіщо чоловікові така краса? Білолиций, синьоокий, з темним шовковим волоссям. А вона — звичайнісінька жінка. Худенька, височенька, кароока. Тільки й краси. А він ще й мудрець. Мало того, що з відзнакою закінчив інститут, він ще й знає все про все. Скільки б їм потрібно було часу, щоб наговоритися? Мабуть, ціле життя...

Зрештою таки розпрощалися...

Наташа квапливо пішла стежкою до хати. В цей час вона запряглася б, що відчула, як оцей вчорашній незнайомець, увійшов в її серце і заповнив його собою. «Навіщо я так легко впустила його в своє серце? Як тепер з цим жити?» — з тривогою думала Наташа.

Цілий тиждень, день за днем, вони зустрічалися на цьому місці. В неділю ввечері Анатолій сказав сумно:

— Відпустка скінчилася. Завтра в дорогу... Наталочко, — враз сказав рішуче, — а в мене сьогодні день народження.

Давайте відсвяткуємо його удвох. Он, на тому березі, на пагорбі. Я ще вранці приготував дров для багаття. Зваримо юшку і відсвяткуємо. Як смеркне, я запалю вогнище. Вам від хати буде його видно. Приходьте. Чекатиму.

Він пішов.

«Іти, чи ні? — запитувала себе жінка. — Що ж він подумає про мене? Що я, заміжня жінка, ось така легковажна, що можу піти на побачення з чужим чоловіком... Нехай думає що хоче. — Стиснулося серце. — Піду. Адже я так його люблю. Це ж він, отой омріяний принц, якого я й сподівалася зустріти».

Коли Наташа підходила до багаття, місяць стояв уповні серед неба. Ні одна гілочка, ні один листочок не поворушився, не порушив нічної тиші. І місяць, і ярсні яскраві зірки — ніби всі звернули свій погляд на те вогнище, вдивляючись і дослуховуючись. Вогонь тріпотів і зривався до неба, освітлював їхні обличчя, іскорки вогню відбивалися у її зіницях. Вони розмовляли.

Наташа з острахом спостерігала за місяцем, який поволі опускався до горизонту. Серце з болем відстукувало хвилини щастя, а вона ніяк не могла намілуватися своїм коханим. Їй здалося, що вона своєю любов'ю огорнула весь світ, любов з'єднала її з високим небом, з самою вічністю. І сама вічність враз заговорила з її свідомістю. «Любов і є вічність. Любов є провідником життя, джерелом світла. Все інше — обман, зрада, ненависть — темрява, небуття. Єднання двох тіл — це ніщо в порівнянні з тою любов'ю, яка поселилася в твоєму серці. Вона джерело твого натхнення, яке довгі роки зігріватиме тебе». Він вперше за весь вечір торкнувся її руки.

— Може підемо до мене. Там, на горіщі, таке пахуче сіно...

Наташа схопилася на ноги, з подивом глянувши на нього:

— Ні, ні, мені час. Спасибі вам.

Він не затримував її. В її очах блищали сльози. Поверта-
лася додому поволі, не озираючись, мов боялася розхлю-
пати з переповненого серця вогонь кохання.

Минуло багато років...

Жінка вже вийшла на пенсію, видала кілька збірок своїх
поетичних творів. Вона знала, що Анатолій Іванович влітку
живе в батьківській хаті, вирощує овочі і відправляє в місто.
Пенсії не вистачає. Вони з дружиною вчать внука в якійсь
академії. Таке розповів їй сусід Анатолія, який придбав
у неї всі видання.

Наташа стояла у вишнику біля його хати, чекаючи поки
Анатолій вийде з будинку.

Він таки вийшов. Жінка пішла йому назустріч. Подиви-
лася на нього зблизька, і сльозинки скотилися по її щоках:
змарнів, облісів, розповнів і ніби став нижчий ростом. Та
на губах майнула знайома посмішка:

— Наталочко, це ви чи ваша дочка? Неймовірно: ви таж
сама дівчинка, що й тоді.

Наташа ступила ближче:

— Анатоліє Івановичу, я прийшла вам подякувати за те,
ким ви для мене були, та що там уже мовчати, за те, що
я вас кохала безмежно і кохаю.

— Хвилиночку, — підняв руку чоловік.

Він швиденько виніс з хати біленьку книжечку.

— Ось, взяв у сусіда. «На тому березі», цікава назва, це
про нас. Наташо, тоді, у ту ніч, ви була особливо красива,
незбагненна. Всі ці роки я вас теж пам'ятав і таки любив.
Скажіть мені правду: ви ні про що не жалкуєте?

— Ні, ні, не жалкую. Ось доказ: я принесла вам в пода-
рунок книжку «На тому березі». Наше вогнище ще горить.
Ні ви, ні я не винні, що так пізно зустрілися. Та вже ж зу-
стрілися... Ні, не жалкую... Лише дякую...

ЛІТЕРАТУРНИЙ АЛЬМАНАХ

*Сатира
Юмор*

Анатолий ЮРЧЕНКО

Happy birthday to you

Деньги

(Ненаучная фантастика 1990-х)

Троллейбус не появлялся целую вечность, поэтому у всех, кто сумел в него втиснуться, тут же появилось настроение.

Но тут появилась кондукторша...

Она отлепилась от кабины водителя и закричала весёлым голосом, который не предвещал ничего хорошего:

— Готовим деньги за проезд!

И настроение у всех...

— Чего это она? — засуетился мужик с мешком, зажатым между тонким поручнем и полной дамой. И с перепугу ухватился не за поручень, а за даму. — Деньги — это чего такое?

— Во! — закричала кондукторша. — Чего только не придумают, чтобы бесплатно проехать! Откуда ты взялся, такой умный?

— Я? — оторопел мужик. — На поезде приехал.

— Бесплатно?!

— Зачем? — обиделся мужик. — За бутылку. У нас в селе люди честные!

— Село! — закричала кондукторша. — Зарплату тебе чем дают?

— Так бы и сказала сразу, — успокоился мужик и полез в свой мешок. — Гречкой. Сколько за проезд-то?

И у всех обратно появилось настроение.

Кроме кондукторши.

— Деревня! — взвыла кондукторша. — Деньги давай!

— Да покажите хотя бы, — взмолился мужик, — чего это такое!

— Миленький, — пожалела его бабушка с детского сиденья, — я бы тебе показала, да нечего — потому что пенсионерка уже... На полном пенсионе по невзаимному зачёту. Чтобы, значит, везде бесплатно ездила и в тряпочку помалкивала, когда остаток от незачёта продуктами не дают.

— Чего показывать? — сказал пассажир с руками шахтёра и лбом мыслителя. — Отменили их. Ещё когда коммунизм строили. Давно не видал...

Все посмотрели на шахтёра. И настроение у всех... стало как в шахте. А у кондукторши — как в танке.

— Кто платить не будет — всех повывсаживаю!

Но тут в проходе появилась маленькая побирושка с большой картонкой на ещё большей груди. На картонке было написано:

«Уважаемые люди! Помогите! Я круглая сирота. От меня ушла мама. Потом папа с тётей Клавой и кошка. Потому что я мало приносила денег».

— Ага! — закричал весь троллейбус. — Она знает, что такое деньги!

— Не знаю я! — заплакала сиротка. — Не помню. Я тогда ещё маленькая была. — И выскочила из троллейбуса на первой же остановке.

— Слушай, мужик, — заинтересовался вдруг пассажир с глазами следователя. — А бутылка за проезд не много? Может, проводница тебе сдачу дала?

— Дала, — сказал мужик и покраснел. — Только я её выпил сразу...

— Погодите, — вмешался вдруг пассажир с лицом философа. — Если с нас требуют деньги, значит, их не отменили. Если требует кондукторша, значит, она знает. А если знает — пусть покажет!

— Я сама их никогда не видела! — сломалась вдруг кондукторша. — А с меня требуют!..

— А зарплату тебе чем дают? — закричал мужик, по-прежнему зажатый между поручнем и дамой. И даже попытался отодвинуть даму. — Или ты бесплатно работаешь?

— За билеты, — всхлипнула кондукторша. — Мне её талончиками за проезд дают. А их не покупает никто! — И заплакала в голос. — Может, водитель деньги видел?

— Откуда? — закричал водитель по радио. — Если она ни с кого получить не может!

— Я видел, — сказал вдруг мужичонка с большой лысиной и маленьким портфелем. — Один раз. Зато издалека. И недолго. Зелёные они. И портрет посередине. Ихнего президента. Который с Моникой шаалил...

От неожиданности все замерли.

И троллейбус встал.

Это рабочим электростанции выдали зарплату. Электроэнергией. И они, счастливые, унесли её по домам.

А до конца двадцатого века оставалось всего ничего. И настроение у всех было замечательное!

Happy birthday to you!

(Подлинная история... ну... процентов на семьдесят)

Посвящается Всеволоду Максимкову

Да нет же, конечно же, всё это было!

Хотя, может быть, и не всё?..

Но вот это доподлинно было!

В центре Киева. Недалеко от Крещатики. В еврейской библиотеке (а где бы ещё, собственно, — в «Макдональдсе», на стадионе «Динамо»?) проходило своего рода клубное заседание столичных юмористов, которое вёл Аркадий Гарцман. Кстати сказать, соратник Роберта Виккерса, который писал для бессмертных Тарапуньки и Штепселя. Бессмертных, думаю, и благодаря написанному им, Виккерсом. Впрочем, его содружество с Аркадием — это уже бо-

лее поздняя история. Аркадий — соратник Виккерса по замечательному юмористическому изданию «Блин».

Я на том заседании был, что называется, гостем из провинции.

— Может быть, кто-то что-нибудь свежее почитает? — почему-то без особой надежды спросил Аркадий. И все почему-то посмотрели на меня.

Потом помолчали.

Потом Всеволод Максимков, ещё один киевский юморист, почему-то снова посмотрел на меня. Потом — на остальных. Потом сказал, что... нет, читать он ничего не будет, но... пожалуй, одну историю... одну историю он расскажет...

Дело в том, начал Всеволод, что его дочери в день рождения такую особенную открытку подарили — раскрываешь, а из неё мелодия звучит: Harry birthday to you... И вот...

Нет, наверно, Всеволод не зря на меня смотрел. Потому что вспомню этот взгляд — и сразу зуд в руке. Давно ведь хочется эту историю пересказать. Но по-честному: сюжет не мой — от Всеволода. А если что и не так, пусть теперь Максимков сам на себя обижается.

— Прихожу я вчера домой, — начал Всеволод, — а дочь в слезах. Открытка сломалась: не замолкает.

То есть если её закрыть, то она должна замолкнуть. А тут закрываешь, а мелодия как звучала, так и звучит: «С днём рождения тебя, с днём рождения!» Да чтоб тебя!..

Если бы не устный жанр, думаю, Всеволод это место наверняка усилил.

Представьте себе.

Приходит папа с работы. Усталый. Возможно, даже сердитый. А тут на весь дом — «С днём рождения тебя, с днём рождения!»

Бабушка от этой мелодии уже в прединфарктном состоянии.

Тётю в дурдом увезли.

Мама на курсы английского языка сбежала...

«С днём рожденья тебя, с днём рожденья!..» Весело!

Дедушка... А дедушка вообще сделал то, на что не решился, когда ему было тридцать четыре. Взял — и ушёл! К той, которой тогда тоже было тридцать четыре! Он просто забыл, сколько с тех пор лет прошло...

Страшно весело!

Но папа-то, конечно, сразу же догадался, в чём дело!

В смысле — с открыткой!

Взял булавку и начал поправлять выпавший из прорези язычок. Причём поправляет — а эта зараза всё равно пищит: «С днём рожденья тебя, с днём рожденья!..» И вдруг — всё! Тишина...

Счастливая дочь бросилась папе на шею!

— Папочка, какой ты молодец, сделал!

И раскрыла открытку. И — «С днём рожденья тебя, с днём рожденья!..» — язычок снова выпал.

Папа снова взял булавку.

И через десять минут... О! Какая тишина наступила в доме!..

Но тут вошла мама.

Курсы английского закалили её. Она была готова теперь мужественно слушать заграничную мелодию хоть всю оставшуюся жизнь! А тут — тишина?

Мимходом чмокнув папу, мама бросилась к открытке.

— Ты её починил? Какой молодец!

И раскрыла...

«С днём рожденья тебя! С днём рожденья тебя!..» — задела проклятая открытка.

Папа снова взял булавку!

В третий раз!

Нет, представьте себе! Голодный и сердитый папа. Который только что спас семью!

Потом снова спас семью!

Который только-только собрался съесть свой ужин!..

«С днём рожденья тебя!..»

На середине очередного куплета открытка поперхнулась и... замолкла!

Папа вытер пот со лба.

Но тут вошла тётя.

Её уже выпустили. Из дурдома.

— Вы её починили? — спросила тётя шёпотом, вслушиваясь в звенящую тишину. И взяла открытку.

«...Тебя! С днём рожденья тебя!..» — запела открытка как ни в чём не бывало.

— Только не открывай её!.. — закричала вся семья хором, когда вернулся дедушка.

— Что не открывать? — удивился дедушка, который, собственно говоря, ещё помнил, из-за чего он вернулся, но уже забыл, из-за чего уходил. — Ах, открытку...

«С днём рожденья тебя! С днём рожденья тебя!..»

Через час в квартире наконец-то царили мир и покой.

Папа в конце концов съел свой заслуженный ужин и зашёл к дочери пожелать спокойной ночи.

Мир и тишина царили в доме.

Чмокнув дочь в щёчку, папа повернулся к выходу из комнаты. И... зацепился в темноте ногой за край ковра. Падая, он попытался ухватиться рукой за край стола.

Под рукой что-то пискнуло.

Лёжа на ковре, папа услышал, как из-под его пальцев понеслась по дому жизнерадостная мелодия:

Happy birthday to you!

Сладкая смерть

— Молилась ли ты на ночь, Дездемона? — спросил Отелло деловито и засучил рукава, чтобы приступить...

Но вдруг у него за поясом запищал мобильник.

— Алло, — сказал Отелло в трубку хорошо поставленным театральным шёпотом. — Что делаю? Да вот, собираюсь Дездемону придушить...

Зал чуть не застонал от восторга. Какая неожиданная, какая свежая трактовка Шекспира!.. Bravo режиссёру!!!

— Что? В магазине рядом с театром дают обещанный премьер-министром социальный сахар? По четыре-двадцать?.. По три кило в руки?.. Но я не могу!.. Сначала я должен...

— Социальный сахар?! — Дездемона вскинулась на своем ложе. — По четыре-двадцать?!

— Лежать! — загремел Отелло в полный голос. — Молись скорей!..

Но было поздно.

Зрители ринулись к выходам, молясь, чтобы социальный сахар не закончился... И дружно побежали по улице к соседнему магазину.

Следом за зрителями в магазин за сладкой смертью мчались неразгримированные Отелло и Дездемона. За ними — вся труппа.

Последним бежал режиссёр и вслух проклинал Отелло. Чёртов мавр! Не мог говорить потише! Чтобы зрители не услышали!.. И теперь из-за этого венецианского обалдуя именно ему... ему, режиссёру, может... не хватить сахара!.. Впрочем... после срыва спектакля сладкая смерть ему и так обеспечена...

Bravo премьер-министру!..

Непоправимая классика

(Из цикла «Экспериментальная смешанина»)

Что ж они наделали, наши классики! Тысячи томов, тысячи — а сколько в них правды?..

Шарль Перро, перо ему в бок, первым начал. Ну да! Только вы ведь первый вариант не читали. Там-то всё правда! Он поначалу эту хулиганскую сказку, если честно, специально к 1 апреля написал. Там же прикол на приколе! «Бабуля, — орёт волк с порога, — закурить будет?» И со слова-

ми «С первым апреля!» глотает старушку вместе с чепцом и тапочками.

А внучка?.. «Бабушка, почему у вас такие большие руки?» У неё что — со зрением неладно?! Или ещё с чем, если сама к волку в постель полезла? Волк уже и морду лапами закрыл, чтоб не расхохотаться. А она прилегла рядом да ещё про руки спрашивает! Обнять, что ли, просит?.. Ну... тут и святой не выдержал бы. Вот волк и сломался. И на «Почему у вас такие большие зубы?» как закричит: «А потому что первое апреля!» И проглотил внучку. С башмаками и шапочкой...

И внучку, кстати, совсем не Красной Шапочкой звали. Сам Перро, когда первый раз услышал, даже растерялся: «Красная... что?!» Её бабушка в раннем детстве клубничкой перекармила. И всё! Диатез на всю оставшуюся жизнь. И на всё то самое место! На которое сам Перро так и сел — ну... на своё собственное, конечно, без диатеза. Нет, мама, положим, звала её ласково — Красной Попочкой. А деревенские?.. Ну да! Хотя и с тем же суффиксом, но с таким нажимом на «ж»!.. А как бы ещё волк её заметил, когда она за кустики присела?.. Только так — по диатезу! Словно ему кто красным флажком просемафорил. А она и растерялась сразу: «К бабушке иду — Лесная, 19, корпус 10».

И что волку его же первоапрельская шутка боком вышла — тоже правда. Нельзя же глотать что ни попадя!.. Вот и результат: несварение и заворот кишок! Лежит волк на бабушкиной кровати и сам понимает — кранты, уже не оправиться!.. И даже добрые дровосеки, которые сами зашли к бабушке с каким-то первоапрельским розыгрышем, не помогли! Нет, кесарево сечение они ему сделали — но волк-то уже не оправился...

Вот только сам же Перро потом и застеснялся — что, дескать, потомки подумают? Сказку заново переписал. Героине имя изменил — так, чуть-чуть. Первую букву приглушил, чтоб не жужжала, как муха. Вторую — на «а»

исправил. И нормально. Гений всё-таки! Вот и получилась — Шапочка. Для тех, кто всю правду знает, — понятно. А кто не знает — тому не всё равно?.. Но про летальный исход у волка и чудесное спасение бабушки и внучки — оставил. Хотя и без лишних подробностей!..

Ох уж эти классики! Скольких ненужных трагедий могла избежать литература, кабы не их излишняя стыдливость! С каким вдохновением изображали они все эти дома с мезонинами, барские усадьбы, имения, особняки, вишнёвые сады, тёмные аллеи!.. А где у них там... ну, это... ну то, что в современных рекламных объявлениях обозначают «со всеми удобствами»?..

А нету! И что в итоге?..

«Мой дядя самых честных правил, когда не в шутку занемог...» Читатель уже вовсю соперничает дяде — оправится тот или нет? А Александр Сергеевич — он что, дяде выбор оставил?..

Потому и переполнена великая русская литература трагическими вопросами!

Чацкий бежит из особняка Фамусова: «Пойду искать по свету, где...» Онегин, вслед за дядей, доходит до точки и стреляет в Ленского. А Ленский перед этим и сам поёт тенором: «Куда, куда?...» Это, правда, в опере, но суть-то передана верно! Афанасий Никитин мчит за три моря. Наполеон в спешке форсирует Березину. Стенька Разин, чтобы облегчиться, бросает в воду княжну. Герасим топит Муму. Точку ставит Козьма Прутков: «Господа офицеры, быть беде, господин полковник сидит на биде»...

И только со временем... Вот в одном современном романе — до чего же несчастен герой! Он после развода оказался в малосемейке с совмещённым санузелом...

Смешной автор, честное слово! Он даже сам не понял, что написал. Он только намекнул — а герою уже легче. Читателю — тоже. Подумаешь, совмещённый санузел! Главное — он есть! А потому думающий читатель сразу пони-

маєт: под паровоз, как Анна Каренина, герой не кинетя.
Как бы ни было трудно — он оправитя!

Анатолій Курганський

Сатиричнінки

Навчений

Закінчить вуз він так дуже хотів,
Вчився, старався, в книгарні потів.
Ринок спіймав інженера відразу.
Він продає колготки й унітази.

Саморекламщик

Журнали області й газети
Його висвітлюють портрети.
Він журналіст — й самореклама
Йому як хліб, як рідна мама.
Якби розклеїти його портрети
Дісталось би стовпам на пів-планети.

Взаємопохвала

На гілці Грач хвалив Грача:
— Ну й молодець! Ти так кричав!..

Претензія

Зуб в роті претендує на диплом,
Бо він не просто Зуб,
А Зуб з дуплом.

Образа

Рана в серці Барана —
Лікарі казали,
Ще тому, що Барана
Бараном назвали.

Лис

Лис не хапа зірок із неба,
Хапа курей, бо їсти треба.

Дмитро Танський

Іронічна поезія

Кінець року

Не звикати появи бруду.
Ґрунт примерзне — і розтає.
Натрусив трохи снігу грудень,
Більше світла нам додає.
Радість завтра прийде. Не відразу.
Сіра звістка до нас летить:
Користуєшся в хаті газом —
Будеш вдвічі за газ платити!
Приховаємо старечі зморшки.
Затанцюй, поспівай, не тужи...
Ну, подумаєш — хліб дорожчає,
Ти про м'ясо мені не кажи!
Мовлять, нам товстіть не до часу.
А важливо тепер говіть.
Тирсу кидають у ковбаси,
З оцтом в лавці вода стоїть.

Пива річка. То ж не печально.
Пиріжок знайдеш, як трофей.
Ти пригадуєш про їдальні,
А я тягну тебе в кафе!
У меню щось у них не густо,
І не зроблять тут зайвий крок...
Слава Богу, що є капуста
Та спиртного наллють ковток!
Добре, що є на лікті латка,
Надірвеш її — і без драм:
Там прихована ще десятка,
Від дружини, на зайвий грам!
Не худоба ж ми! Що нам стійло?
Хто зупинить? Зіб'є з путі?
Залишилося гірке пійло —
Тільки радість одна в житті!
Лізу в «Грот», бо немає Валі,
Десь там риється в стосі книг.
Хлопці, вип'ємо у підвалі,
Бо не схожі ми на бариг!
Жаль, удома привабний знімок:
Було літо... Шумів потік...
Друзі, щиро келих піднімем —
За наступний, вже кращий Рік!

Зразковий сім'янин

Ми стали менше розмовляти.
Чи в цьому лихо? Чи біда?
Це назбирала пліток мати,
Що зять у чарку загляда!
Вона на вулиці голосить
І всім доказує, що пив.
А щоб в сім'ю не сунув носа,
Я ніс сусідові розбив.

Куму провідав. Симпатична.
Дурна. І вперта, мов коза...
Не пам'ятаю, що дільничний
Мені в останній раз казав...
Недавно я упав в калюжу.
Гадав, калюжа обмине...
Ще поважає жінка мужа —
З багнюки витягла мене...
Люблю її — горілку з перцем.
І чарку тикають під ніс...
І, слово честі, три цукерки,
Від зачі, дітям я приніс!
Буває, сон поганий сниться,
Що взяли євнухом в гарем...
Купляти дорого в крамниці
Казенку... Самопал берем!
А де берем — чужим не скажем!
А що порадиш — вовком вить,
Коли надума теща вража
В район до влади заявить?!

Валерий Корниец

Пісні всерьёз

Синдром

Два диагноза новых
В медицине известны нам:
Недержание слова,
Диарея словесности.

Рецепт

Их ряды не поредеют:
Депутатов дружный сплав
День и ночь о нас радеет,
Недоев и недоспав.

Ими мы должны гордиться —
Хоть монеты с них чекань:
Узнаём родные лица
Мы с затылка — по щекам.

Тяжек труд их. Но при этом
Быть здоровыми хотят?
Так садитесь на диету —
На зарплату работяг.

Закономерность

Как паруса без ветерка,
Как каменщик без мастерка,
Как живописец без палитры,
Как алкоголик без пол-литры,
Как снукеристы без бильярда,
Как олигарх без миллиарда,
Как презентация без пьянки —
Так наша власть... без евробанка.

На грани каламбура

Где-то что-то
мне сверлибрит —
Принимаюсь
за верлибр.
Рифмы, ритмы —
устарело:

Напишу,
 чтоб верлибрело!
Перечёл —
 и поперхнулся:
Слишком сильно
 верлибнулся!..

ЛІТЕРАТУРНИЙ АЛЬМАНАХ

*Антологія
одного стихо-
творення*

Александр КОРЖ,
г. Киев

Дай Бог, чтоб кончилось внезапно,
И не в больничной тишине,
А в доме, вечером, где запад
Уже алеет, и вчерне
Жизнь прожита, и всё сначала
Нет сил начать, пропал азарт.

День светом догорит усталым,
Как будто сказку рассказал...

Людмила НЕКРАСОВСКАЯ,
г. Днепропетровск

Вавилон

Почему не росла с возведением башни тревога?
Разве нам посулили в небесных мирах благодать?
Мы с надменной гордыней понять вознамерились Бога,
Но утратили счастье: людей на земле понимать.
Вавилон, Вавилон! Мало проку в уроке вчерашнем,
Потому-то и правят извечные алчность и страх.
Будто камни твоей до любви не достроенной башни,
Как наследство отцовское, мы сохраняем в сердцах.

Валерий СИДНИН,
г. Кировоград

вплетаются тихие строки
в пустынную гулкость дорог
оставьте пустые упрёки
я сам себе главный упрёк
я сам себе узник бродяга
я сам себе дёготь-елей
и путь свой до смертного шага
без ваших пройду костылей

Вадим НАГОВИЦЫН,
г. Калуга

Пейзаж

За окном в облезлой раме
Серый тягостный пейзаж:
Улиц рубленые шрамы —
Беспорядочный коллаж.
И гудок, как звук на альте,
Подавляя свой зевок.
На заплёванном асфальте
Плачет брошенный щенок.
Дребезжащие трамваи,
Изнывая от бегов,
Как больные попугаи,
Виснут в путях проводов.

И реки большой клоака
Источает липкий дух.
Истеричная собака
Истязает лаем слух.

Солнце, словно глаз слепого,
Тускло цедит жидкий свет.
...И родился в корчах снова
Недоношенный рассвет...

Ирина ДУБРОВСКАЯ,
г. Одесса

Я, как сон, пройду обманчиво
Мимо тех, кому мила.
Господа! Вы точно мальчики —
Я до вас ещё жила.

Я была Амуру спутницей
В ночи, полные луны.
Посреди квасной распутицы —
Демоном голубизны

Вдруг явилась вам, приученным
К полуправде и тряпью.
Окунула вас в певучую
Неподкупную струю —

И исчезла, как изменница,
Пряча ветер в голове:
Только звёздам современница,
Только с духами в родстве.

Вы ловили, звали, плавились —
 От того ещё огня,
 Что, с грехом слившийся праведность,
 Жёг задолго до меня.

И в погоне за мерцающим,
 Вседержители планет,
 Вы прошли мой мир блистающий,
 Проглядели свет в окне...

Но, пока ещё заманчива
 Тень дразнящая луны,
 Господа, вы верно мальчики —
 Лишь неверному верны.

Людмила ШАРГА,
 г. Одесса

Лилит¹

*Как живётся вам с стотысячной,
 Вам, познавшему Лилит...*

М. Цветаева

С ней, наверное, проще и легче, Адам?
 Не противится воле твоей никогда,
 И кротка, и покорна вторая,
 Видно, помнит изгнание из рая.
 И собой хороша, и хитра, и мудра
 Плоть от плоти твоей (говорят — из ребра?).
 Тяготит только грех первородный.
 Ну, а я, как и прежде — свободна.

¹ Публикацией этого и предыдущего стихотворений редакционная коллегия исправляет компьютерный сбой, который возник при электронной вёрстке альманаха 2011 года, и тем самым приносит свои извинения одесским поэтам.

Говоришь, что ты выбрал покой и уют,
Только боли сердечные спать не дают.
В дуновении ветра ночного
Слышишь голос мой снова и снова.
То не сердце, несчастный, то память болит —
Никогда ты не сможешь забыть о Лилит!
Это боль об утраченном рае,
И её не излечит вторая.

Ты, познавший сакральную сущность огня,
На безмозглую плоть променявший меня,
Утешаешься жалким подобием,
А ночами взываешь к свободе?
Со второй оставайся, живи без затей
И плоды вместе с нею бескрылых детей,
Первородством торгующих робко,
Чечевичной прельстившись похлёбкой.
Не шепчи бесполезных бессвязных молитв, —
Никогда ты не сможешь забыть о Лилит,
Что дыханию ночи подобна
И, как ветер, — легка и свободна.

Владимир СПЕКТОР,
г. Луганск

На рубеже весны и лета,
Когда прозрачны вечера,
Когда каштаны — как ракеты,
А жизнь внезапна, как игра,
Случайный дождь сквозь птичий гомон
Стреляет каплею в висок...
И счастье глохнет, как Бетховен,
И жизнь, как дождь, — наискосок.

Юрий ЧЕРНЕЦКИЙ,
г. Харьков

Памяти самого обычного поэта

Будет прост, как рисунок на скальном,
этот стих, тривиально-печальный,
как июльское небо, просторный,
как ребячьи глаза, чудотворный.

Не грусти об умершем поэте:
не исчезнут поэты на свете.
Ведь всегда от невыносимой боли
втихомолку живущие страдают.
Лишь стихи утоляют собою
сострадания жгучую жажду.
Ты ведь искренне веришь, не так ли,
в то, что жизни родник не иссякнет?!

Не грусти ж о поэте умершем,
невозможное сделать сумевшем.

Маргарита ЧЕРНЕНКО,
г. Киев

Райская бухта

И чтоб не перепутать бухту с раем,
Здесь раздают незрелые бананы,
И санаторий слишком обитаем, —
Здесь от себя укрыться не удастся.
И горы прижимаются к туману,
Того гляди, взлетят и растворятся.

В раю, наверно, рай и без дурмана.
И каждое лицо в раю желанно,
И каждый камень, каждая поляна —
Чем больше рая, тем неповторимей
Лицо, тропинка, цвет акаций, —
Не перепутаешь, как имя иностранца,
Ничем тебя не тронувшее имя.
И, чтобы в этой бухте не остаться
Корабликом, Волошиным, тетрадкой, —
Шагнуть в иную сторону пространства,
Не отвечать на шепот моря сладкий,
На запахи травы не озиаться,
Себя не выдать веточкой печали,
И акварель не сможет догадаться
О той поре, в которой обитали
Блаженные задолго до изгнания.
В раю пока не знают слов прощанья.

Семён ПИВОВАРОВ,
г. Феодосия

Напутственное

Улыбка — она и пароль, и магнит,
Улыбка врачует, улыбка роднит.
Чтоб не было места вражде и обиде,
Храните улыбку в развёрнутом виде!

Відомості про авторів

Кіровоградська обласна організація Конгресу літераторів України (КОО ВТС КЛУ):

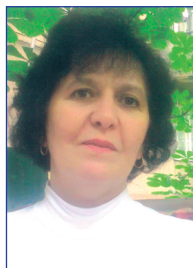
Авруцкий Ефим Яковлевич. Поэт. Родился в Кировограде в 1936 г. С 1994-го живёт в Германии. Автор книг «Мои пятилетние сверстники», «Народ мой» и др.

Бідненко Наталія Іванівна. Поетеса. Автор поетичних збірок «Сумувало літо», «Казалось, всё давно испито», «Инверсия любви» та інших. Мешкає в Кіровограді.

Горяна Уляна (Сіра В.М.). Поетеса та прозаїк, проживає в смт. Олександрівка Кіровоградської області. Автор збірки поезії «Перегорни тишу». Майстер верлібрів.

Ильин Николай Николаевич. Поэт. Родился на Урале в семье польских цыган. Ныне живёт в Кировограде. Перевёл сказки Пушкина и Ершова, а также пушкинского «Евгения Онегина» на цыганский язык. Автор поэтического сборника «Миг жизни».

Ковалішина Алла Олександрівна. Поетеса. Народилася у м. Жовті Води Дніпропетровської області. Автор збірок поезій. Член Народної академії творчості інвалідів. Мешкає в смт. Петрове Кіровоградської області.

Корниєц Валерий Петрович. Поэт. Уроженец Бобринца. По образованию филолог. Работал учителем, директором школ Кировограда. Автор поэтических сборников «Струны души», «Судьбы веретено», «Над кручею».

Кримський Анатолій Анатолійович. Поет, прозаїк. Член Міжнародного співтовариства письменницьких Спілок, почесний голова КОО ВТС КЛУ, член редакційної колегії газети «Література та життя» (Київ). Член НСПУ. Проживає в с. Трилісі Кіровоградської області.

Курганський Анатолій Порфирівич. Поет. Народився 21 вересня 1941 року в селі Вищі Верещаки Олександрівського району. Вчителював. Видав збірки «Сценарій про віварій», «Шепіт вітру степового» та інші. Мешкає в Кіровограді.

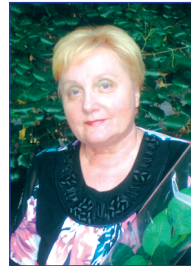

Любарський Роман Рафаїлович. Поет, перекладач, журналіст. Уроженець Кіровограда. Член Союзу російськомовних письменників Ізраїлю. Нині знову живе в Кіровограді, працює в газеті «Народне слово». Автор поетических збірок «Время звёзд и дождей», «Точка росы» и др.

Надутенко Елена Валентиновна. Поетеса. Автор ліричних і дитячих книжок. Общественний діяч України, голова Союзу підприємців малого і середнього підприємництва Кіровоградської області, кавалер Срібної зірки «За заслуги».

Николаевская Людмила Павловна. Поетеса. Відомий журналіст Кіровоградської обласної телерадіокомпанії. Автор поетических збірок. Живе в Кіровограді.

Пархоменко Пётр Петрович (1936-2012). Поет. Родився в Ейске, высшее образование получил в Москве, работал в Государственной лётной академии Украины (Кировоград). Кандидат наук, Почётный академик Международной академии проблем человека в авиации и космонавтике, отличник образования Украины.

Танський Дмитро Іванович. Поет. Знаний автор у літературних колах України. Видав поетичні збірки. Однаково вільно почувається як у жанрі сатири та гумору, так і в ліриці. Мешкає в Кіровограді.

Тимко Світлана Парфентівна. Поетеса, прозаїк. Автор книг — роману «Два товариші», кількох повістей, оповідань. Живе в смт. Олександрівка Кіровоградської області.

Чечель Анатолій Петрович. Поет. Гарно відчуває музику слова. Народився в с. Новий Стародуб Петрівського району Кіровоградської області. Закінчив музично-педагогічний факультет Кіровоградського педінституту. Відмінник народної освіти.

Шпудейко Сергей Макарович.

Родился 3 июля 1946 г. в Брестской области. С 1950-го — в Кировограде. Окончил машиностроительный вуз. Служил на флоте. Писать стихи начал с двенадцати лет, публиковаться — с 1974-го. Автор книг поэзии и духовной прозы — на русском и украинском языках.

Шульга Андрей Анатольевич. Поэт-бард. Участник и победитель бардовских фестивалей. Автор песен на собственные стихи и стихи поэтов, входящих в КОО ВТС КЛУ. Родился 20 июня 1971 г. Живёт в Кировограде.

Юрченко Анатолий Петрович.

Дебютировал, будучи ещё школьником, в газете «Заполярье» (Воркута), в жанре сатиры и юмора — в 1974 году, в «Крокодиле», «Литературной газете» и юмористических программах всесоюзной радиостанции «Маяк». С 2011-го — председатель Правления КОО ВТС КЛУ.

Інші автори:

Дубровская Ирина. Поэтесса. Южнорусский Союз Писателей, Одесская областная организация КЛУ.

Корж Александр Иванович. Поэт. Председатель Правления Конгресса литераторов Украины (избран в 2009-м, после трагической гибели Юрия Каплана, создателя КЛУ).

Наговицын Вадим Николаевич. Поэт, прозаик, драматург. Создатель и главный редактор литературного журнала «Золотая Ока» (Калуга).

Некрасовская Людмила Витальевна. Поэтесса. Председатель Правления Днепропетровской областной организации Конгресса литераторов Украины.

Пивоваров Семён Михайлович. Старейшина сатирического цеха, поэт, вошедший в «Антологию сатиры и юмора XX века». Блистательный мастер коротких, в четыре строки, стихотворений-«сатиropусов», признанный мэтр литературной Феодосии, «Человек года — 2000». Лауреат премии «Золотой теленок» «Литературной газеты» 1994 года. Принципиально не входит ни в один из писательских союзов.

Сидний Валерий. Поэт. Входит в Ассоциацию украинских писателей.

Спектор Владимир Давидович. Поэт, журналист, публицист. Заслуженный работник культуры Украины. Талантливый организатор литературного процесса. Председатель Межрегионального союза писателей Украины и сопредседатель Конгресса литераторов Украины.

Черненко Маргарита. Родилась в Киеве, окончила филологический факультет Киевского госуниверситета. Ныне — доцент кафедры филологии КНУ театра, кино, телевидения им. Карпенко-Карого. Преподаёт зарубежную литературу. Автор поэтических сборников «Ветка надежды», «Скажи — люблю», «По светлой линии крыла».

Чернецкий Юрий Александрович. Учёный и поэт. Доктор социологических наук и автор поэтических публикаций в периодике и интернет-изданиях.

Шарга Людмила. Поэтесса. Южнорусский Союз Писателей, Одесская областная организация КЛУ.

Зміст

Українська поезія	3
<i>Анатолій Кримський. Не називайте мовою жаргон</i>	4
Хай знов поманить Бригантіна (Леоніду Тендюку на перше 80-ліття).	4
«Не називайте мовою жаргон...»	4
«Авангардистам»	6
Держава на «зеро» (уривок)	6
<i>Алла Ковалішина. О, як же треба це життя любити...</i>	7
«Не шукай краси очима...»	7
Вечір	7
Дівчинка, яка малює на чорнім	8
Чому?	8
Сум-рушник	9
Не тому...	9
Журавлику, пробач	10
Життя — крива	10
«Сонце котить дня колиску...»	11
<i>Наталія Бідненко. Ми майже поруч...</i>	12
«Марную дні, чекаючи хвилини...»	12
«Третій день без дзвінка від Поета...»	12
«Упасти ниць, скоритись и пропасти...»	13
«Не приходь до мене уві сні...»	13
«Знак вірності поставила нам доля...»	14
«У страху розминутися з тобою...»	14
Сумувало літо	15
«Обрив надії — як розрив аорти...»	16
«Не піднімай на мене очі...»	16
«Зводиться на ноги світлий ранок...»	17
<i>Олена Надутенко. Ми тут жили...</i>	18
На порозі безодні	18
Трипілля	19

<i>Анатолій Чечель. Останній з родини Наливайків</i>	20
<i>Анатолій Курганський. Всі спомини доба вдихнула в себе.</i>	25
Доля	25
Після війни.	25
«Звична доля, це село...»	26
«На грудях неба сонце грілось...»	26
Малюнок на дні	27
«Всі спомини доба вдихнула в себе...»	27
«Душа, вируюча ріка...»	27
Спомини	28
«Я знов притулився до рідного краю...»	28
Водоноси	28
Поезія.	29
«Наснився сон, неначе постарів я...»	29
«Крізь аритмію дум збираю...»	30
<i>Дмитро Танський. То все ж таки покаюсь...</i>	31
Кувала зозуля	31
Подолаю втрати	31
Навіщо ж скаржишся мені?	32
За рудими стінами	33
<i>Уляна Горяна. Верлібри</i>	35
Крижана байдужість.	35
«Сьогоднішне безсоння...»	35
«Причинилися тихесенько двері...»	36
«Дарувала спогади собі...»	36
«Чорною птахою сяду на твою хвіртку...»	36
«Давай заляжемо у світ запашний...»	37
«Понесло ще вчора в потойбіччя...»	37
«По дорозі в зиму...»	37
«— Повір мені...»	38
«Простягнулась вздовж мене річка...»	38
«У птахів просила шматочок неба...»	38
«Ти зникнеш...»	39
«Дихаю...»	39
«Понесло нещасливця...»	39
«Стомлена тиша...»	39
Білі карлики	39

Русская поэзия	41
<i>Елена Надутенко. Обречены на тишину</i>	42
Рубежи	42
Заводь	42
Пустой дом	43
Давай начнём...	43
Маски в толпе	44
Стучат часы	44
Прохлада осени	45
Обречены на тишину.	45
<i>Людмила Николаевская. Над седым,</i> <i>как лунь, Ингулом</i>	47
«Благослови меня, мой Бог...»	47
«Я так живу. Я так дышу...»	47
«Что проку прошлое тревожить?..»	48
«Я бреду заброшенной аллеей...»	48
«Неделя быстро промелькнула...»	49
«Застыла роща...»	49
«Городок под солнцем рыжим...»	50
«Беранже, Беранже, Беранже...»	51
Памяти Вознесенского	51
«За город, в сад, судьбе навстречу...»	52
«Снова россыпь тюльпанов...»	53
<i>Валерий Корниец. Простреленное небо</i> <i>(отрывки из поэмы)</i>	54
<i>Николай Ильин. Я с дождём погрущу...</i>	62
Ночь	62
«Я — чья-то тень. Но не от солнца...»	62
Дождь и я	63
«Как дождя серебристые нити...»	63
Петербургские мотивы (<i>Маленькая поэма</i>)	64
<i>Андрей Шульга. Пройдя полосу поражений...</i>	67
Долгие странствия	67
Возвращение	67
Шут	68
Эшафот	69
«Пусть мечты перемолоты в пыль...»	69
Туман и ливень	70

<i>Сергей Шпудейко. Нарисуем счастья девяносто дней.</i>	71
Если в конце пути.	71
Что сердцу ближе?	71
Ревность	72
Золотой апофеоз	72
Нарисуем счастье	73
<i>Пётр Пархоменко. Моя душа открыта для хорошего</i>	74
Образ Родины.	74
Перед разлукой	75
Опять я у моря	76
Моя душа	77
<i>Ефим Авруцкий. Комиссары</i>	78
<i>Роман Любарский. Венами вечности</i>	82
Иерусалим.	82
«Рисует свет детали бытия...»	82
Проза	83
<i>Роман Любарский. Родниковая вода (Новеллы).</i>	<i>84</i>
Печь	84
Сад	87
Велосипед.	91
Тенька.	94
Пава и Валя	96
Родниковая вода	98
<i>Світлана Тимко. Два оповідання.</i>	<i>101</i>
Тричі залежний	101
На тому березі	107
Сатира Юмор	111
<i>Анатолий Юрченко. Happy birthday to you</i>	<i>112</i>
Деньги	112
Happy birthday to you!	114
Сладкая смерть	117
Непоправимая классика	118
<i>Анатолій Курганський. Сатиричинки</i>	<i>121</i>
Навчений	121
Саморекламщик	121
Взаємопохвала	121

Претензія	121
Образа	122
Лис	122
<i>Дмитро Танський</i> . Іронічна поезія	122
Кінець року	122
Зразковий сім'янин	123
<i>Валерий Корниец</i> . Почти всерьёз	124
Синдром	124
Рецепт	125
Закономірність	125
На грани каламбура	125
Антологія одного стихотворення	127
<i>Александр Корж</i> , г. Київ	
«Дай Бог, щоб кончилось внезапно...»	128
<i>Людмила Некрасовская</i> , г. Днепропетровск	
Вавилон	128
<i>Валерий Сиднин</i> , г. Кировоград	
«Вплетаются тихие строки...»	129
<i>Вадим Наговицын</i> , г. Калуга	
Пейзаж	129
<i>Ирина Дубровская</i> , г. Одесса	
«Я, как сон, пройду обманчиво...»	130
<i>Людмила Шарга</i> , г. Одесса	
Лилит	131
<i>Владимир Спектор</i> , г. Луганск	
«На рубеже весны и лета...»	132
<i>Юрий Чернецкий</i> , г. Харьков	
Памяти самого обычного поэта	133
<i>Маргарита Черненко</i> , г. Київ	
Райская бухта	133
<i>Семён Пивоваров</i> , г. Феодосия	
Напутственное	134
Відомості про авторів	135

ЛІТЕРАТУРНЕ ВИДАННЯ

Ю. Авруцький, Н. Бідненко, У. Горяня, І. Дубровська, М. Ільїн,
А. Ковалішина, О. Корж, В. Корнієць, А. Кримський, А. Курганський,
Р. Любарський, В. Наговіцин, О. Надутенко, Л. Некрасовська,
Л. Ніколаєвська, П. Пархоменко, С. Півоваров, В. Сіднін, В. Спектор,
Д. Танський, С. Тимко, Ю. Чернецький, А. Чечель, А. Шарга,
С. Шпудейко, А. Шульга, А. Юрченко.

ЛІТЕРАТУРНА КІРОВОГРАДСЬКА АЛЬМАНАХ

Українською та російською мовами

Редакційна колегія: Р. Любарський, О. Надутенко,
Д. Танський, А. Юрченко
Художній редактор: А. Кримський

Редакційна колегія може не поділяти судження авторів.

Технічний редактор *О.М. Корнілов*
Верстка *В.М. Яценко*
Обкладинка *І.М. Шалюта*

Підп. до друку 08.04.2012. Формат 60x84¹/₁₆.
Папір офсетний. Друк офсетний. Ум. др. арк. 9,77.
Замовлення № 272. Наклад 400 прим.

Поліграфічно-видавничий центр ТОВ «Імекс-ЛТД»
Свідоцтво про реєстрацію серія ДК № 195 від 21.09.2000.
25006, м. Кіровоград, вул. Декабристів, 29
тел./факс (0522) 22-79-30, 32-17-05
E-mail: marketing@imex.net